



# Международный Аспект

ВЫПУСК №2(20)  
АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 2025

# International Aspect

VOL 6 NO. 2(20)  
APRIL-JUNE 2025

## РОССИЯ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ: КАРТОГРАФИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

**Мягкая дипломатия: культурные связи России  
и Южной Индии как способ взаимодействия  
между странами** • 4

*ТАЦИЙ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, ТИХОНОВ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ,  
ВЭНКАТЕСВАРАН МАХЭШ АДИТЯ*

**Оценка роли России как актора  
интеграционных процессов БРИКС** • 28

*МЫШАНСКИЙ ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ*

**Трёхсторонняя инициатива  
Алжир–Ливия–Тунис: перспективы  
интеграции и возможности для России** • 39

*МАСЛАКОВ ИГОРЬ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ*

# International Aspect

ACADEMIC JOURNAL  
Published since 2020 quarterly  
Vol.6, 2(20), 2025

---

# Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. ежеквартально  
Том 6, Выпуск 2(20), 2025

Индексируется в РИНЦ



Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

# Содержание

## Культурная дипломатия

Мягкая дипломатия: культурные связи России и Южной Индии как способ взаимодействия между странами

Таций Мария Владимировна, Тихонов Никита Дмитриевич, Вэнкатесваран Махэш Адитя

• 4

## Современные международные отношения

Международная деятельность ГК «Росатом» как инструмент энергетической дипломатии России

Бондаренко Никита Дмитриевич

• 13

Оценка роли России как актора интеграционных процессов БРИКС

Мышанский Виктор Андреевич

• 28

Трёхсторонняя инициатива

Алжир–Ливия–Тунис: перспективы интеграции и возможности для России

Маслаков Игорь Вячеславович

• 39

## Интервью

Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла России в Ирландии (2012–2017) М.А. Пешкова о культурно-дипломатических связях Ирландии и России

Игнатьева Виктория Юрьевна

• 48

## РЕДАКЦИЯ

Главный редактор  
София Беломытцева

Заместитель главного редактора  
Равиль Шигапов

Редакторы  
Арсений Наумчик  
Валентин Терентьев  
Александра Журова  
Влада Ровнова  
Георгий Федоров  
Анна Александрова  
Офелия Закарян  
Варвара Кеня  
Виктория Игнатьева

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель  
Редакционного совета  
Андрей Анатольевич  
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна  
Болгова, к.ист.н.  
Игорь Александрович  
Истомин, к.полит.н.

Для связи с редакцией: [internat.aspect@gmail.com](mailto:internat.aspect@gmail.com)  
[intaspect.ru](http://intaspect.ru)

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76  
+7 (495) 229-41-78

# Contents

## Cultural diplomacy

- Soft Diplomacy: Cultural Ties between Russia and South India as a Means of International Dialogue • 4  
 Maria V. Tatsiy, Nikita D. Tikhonov,  
 Mahesh Adithya Venkateswaran

## Contemporary international relations

- The International Activities of Rosatom State Corporation as an Instrument of Russia's Energy Diplomacy • 13  
 Nikita D. Bondarenko

- Assessment of Russia's Role as an Actor in BRICS Integration Process • 28  
 Viktor A. Myshanskiy

- The Algeria-Libya-Tunisia Trilateral Initiative: Integration Prospects and Opportunities for Russia • 39  
 Igor V. Maslakov

## Interview

- Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russian Federation to Ireland (2012-2017) Maxim Alexandrovich Peshkov on the cultural and diplomatic relations between the Republic of Ireland and the Russian Federation • 48  
 Viktoriya Yu. Ignatyeva

## EDITORS

Chief Editor  
 Sofiya Belomyttseva

Deputy Chief Editor  
 Ravił' Shigapov

Editors  
 Arsenii Naumchik  
 Valentin Terentyev  
 Aleksandra Zhurova  
 Vlada Rovnova  
 Georgii Fedorov  
 Anna Aleksandrova  
 Ofeliya Zakaryan  
 Varvara Kenya  
 Viktoriya Ignatieva

## EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board  
 Andrey Baykov, Ph.D.  
 in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.  
 in History  
 Igor Istomin, Ph.D.  
 in Political Science

Contact the Editorial Board via: [internat.aspect@gmail.com](mailto:internat.aspect@gmail.com)  
[intaspect.ru](http://intaspect.ru)

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454  
 +7 (495) 229-41-78

# Мягкая дипломатия: культурные связи России и Южной Индии как способ взаимодействия между странами

Таций Мария Владимировна

МГИМО МИД России,

Факультет управления и политики, 3 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

Тихонов Никита Дмитриевич

МГИМО МИД России,

Факультет международных отношений, 2 курс магистратуры

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

Вэнкатесваран Махэш Адитя

Старший политический консультант в «Камахья Аналитика Прайвит Лимитед»

(Предыдущее место работы: Ваарахи Аналитикс политический компани)<sup>[1]</sup>

46, Аркот Дорога, Ченнаи, Тамил Наду, Индия 600024

## РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются историческая эволюция и ключевые направления культурного взаимодействия между Россией и Южной Индией на протяжении XIX—XX вв. Выявляются те элементы культуры, которые были популярны в российском, а позже советском, и южно-индийском обществах соответственно. Авторы ставят своей целью восполнить пробел в исследованиях по данной теме, традиционно фокусирующихся на связях с культурно-историческими центрами Северной Индии. Методологической основой исследования служит историко-описательный анализ, позволяющий выявить преемственность и трансформацию культурных контактов. На основе широкого круга источников (от архивных материалов до современных СМИ) в работе представлены основные форматы культурного взаимодействия: кинематограф, литература, спортивная дипломатия (шахматы). Научная новиз-

на заключается в демонстрации того, что культурные мосты между Россией и Южной Индией, заложенные еще в имперский период, не только успешно функционировали в советскую эпоху в рамках политики мягкой дипломатии, но и адаптировались к условиям рыночной экономики после 1991 года и серьезных преобразований как в системе международных отношений, так и в социально-экономических системах Москвы и Нью-Дели. Основной вывод статьи заключается в подтверждении значительного и отчасти недооцененного в исследовательской литературе потенциала южноиндийского вектора в системе российско-индийских культурных отношений, который сохраняет актуальность в контексте современных международных процессов на евразийском пространстве, для которых характерна интенсификация контактов между Россией и Глобальным Югом (БРИКС+, ШОС, РИК).

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Российская Федерация, Индия, культурная дипломатия, российско-индийские отношения, тамилы

[1] Вышеупомянутые компании не имеют отношения к содержанию публикации автора и не несут за него ответственности. Статья была написана и опубликована исключительно в соответствии с личным мнением и академическими знаниями автора.

Для связи с авторами: ski115@yandex.ru; niktikh0305@gmail.com; maheshadithya35@gmail.com

# Soft Diplomacy: Cultural Ties between Russia and South India as a Means of International Dialogue

**Maria V. Tatsiy**

MGIMO University,  
School of Governance and Politics, 3rd Year  
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

**Nikita D. Tikhonov**

MGIMO University,  
School of international relations, 1st Year Master's Programme  
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

**Mahesh Adithya Venkateswaran**

Senior Political Consultant at Kamakhya Analytics Pvt. Ltd.  
(Previously worked: Varahe Analytics Private Limited)<sup>[1]</sup>  
46, Arcot Road, Chennai, Tamil Nadu, India 600024

---

## ABSTRACT

This article examines the historical evolution and key dimensions of cultural exchange between Russia and South India throughout the 19th and 20th centuries. It identifies the cultural elements that gained popularity in Russian, later Soviet, and South Indian societies. The authors seek to address a research lacuna in this subject, since scholars usually emphasise ties with the cultural and historical centers of North India. The study employs a historical-descriptive methodology framework to trace the continuity and transformation of these cultural contacts. Relying on a wide array of sources, from archival documents to contemporary media, the article analyses the primary formats of cultural interaction, such as cinema, literature, and sports diplomacy (chess). Its scientific novelty lies

in demonstrating that the cultural bridges between Russia and South India, initially built during the imperial era of Russian history, not only functioned effectively throughout the Soviet period as an instrument of soft diplomacy but also successfully adapted to the post-1991 market economy and the profound transformations within both the system of international relations and the socio-economic models of Moscow and New Delhi. The central conclusion affirms the significant and somewhat underappreciated potential of the South Indian vector within the broader framework of Russo-Indian cultural relations. This potential remains highly relevant in the context of contemporary international dynamics across Eurasia, which are characterized by intensifying engagement between Russia and the Global South (e.g., within BRICS+, SCO, and RIC).

## KEYWORDS

Russian Federation, India, cultural diplomacy, Indo-Russian relations, the Tamils

---

[1] The above mentioned companies (Kamakhya Analytics Pvt Ltd; Varahe Analytics Pvt Ltd) have no bearings on the content published by the author and do not hold accountability. The article is solely published and drafted as per the author's view and academic intellect.

Contact the authors via: [ski115@yandex.ru](mailto:ski115@yandex.ru); [niktikh0305@gmail.com](mailto:niktikh0305@gmail.com); [maheshadithya35@gmail.com](mailto:maheshadithya35@gmail.com)

## ВВЕДЕНИЕ

Тамильская мудрость гласит: «Великие умы вносят значительный вклад», а значительный вклад в мировую культуру двух цивилизаций приводит к взаимообогащающему культурному обмену между ними. В данном исследовании анализируется, как два государства с многовековой историей находят общие точки соприкосновения благодаря своим культурным традициям. Отношения Индии и России имеют глубокие исторические корни. Тем не менее расцвет их отношений приходится на XX в. В этой статье предлагается провести анализ отношений между двумя странами в этот период и рассмотреть фактор культурного обмена между Россией и конкретно Южной Индией в данном процессе. Актуальность статьи обусловлена важной ролью обеих держав во внешней политике друг друга, особенно на фоне укрепления межгосударственного сотрудничества стран в рамках БРИКС, ШОС и РИК, определяющие очертания будущего мирового порядка<sup>[1]</sup>. Несмотря на обширную историю российско-индийских отношений, культурные связи с отдельными регионами Южной Индии (в частности, Тамил-Наду) остаются недостаточно изученными в академической литературе, которая традиционно фокусируется на связях с Северной Индией. В российской историографии культурно-цивилизационная подсистема российско-индийских отношений освещена достаточно подробно<sup>[2]</sup>, тогда как западные исследователи фокусируются исключительно на военно-политических и экономических аспектах сотрудничества Москвы и Дели<sup>[3]</sup>. Поэтому научная новизна данного исследования заключается в акценте на культурно-историческом наследии именно Южной и Западной Индии, а также его роли в российско-ин-

дийских отношениях. Целью статьи является выявление и анализ ключевых каналов и исторических вех взаимного культурного влияния между Россией/СССР и Южной Индией.

Методологической основой исследования служит историко-описательный подход, позволяющий проследить эволюцию и преемственность культурных контактов на протяжении XIX–XXI вв. В работе применяется анализ широкого круга первичных источников (архивные документы, путевые дневники, мемуары, фотографии, официальные отчёты) и вторичных материалов (научная литература, периодическая печать, современные СМИ и социальные сети). Это обеспечивает комплексный взгляд на форматы культурного взаимодействия (кинематограф, литература, спортивная дипломатия) и их роль в мягкой дипломатии.

## КУЛЬТУРА ЮЖНОЙ ИНДИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

Первые культурные контакты между Россией и Индией относятся еще к XIX в. Здесь стоит упомянуть князя Алексея Дмитриевича Салтыкова, который в 1845–46 гг. предпринял поездку по Южной Индии. Помимо иллюстраций, Салтыков оставил описание г. Мадраса и его генерал-губернатора<sup>[4]</sup>. Появление индуистских текстов в России способствовало заинтересованности многих русских литературных деятелей культурой Индии, например, Льва Толстого и Максима Горького. Следующей важной вехой в развитии российско-индийских отношений стало путешествие Н. К. Рериха в Индию уже в XX в. Путешествуя по югу Индии и Гималаям, русский художник создал большинство картин из горно-азиатского цикла. В современности в штате Химачал-Прадеш функционирует Международный мемориальный трест

[1] Капур Н. РИК, БРИКС и ШОС. О побочном эффекте глобальной перестройки / Н. Капур. — Текст: электронный // Клуб «Валдай» & Observer Research Foundation. — 29.07.2020. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rik-briks-i-shos/> (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Лунёв С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы / С.И. Лунёв // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 2(53). — С. 48.

[3] Курылёв К.П. К вопросу об историографии советско-индийского сотрудничества в сфере науки и высшего образования (1955–1979 годы) / К.П. Курылёв, Л.А. Черешнева, Л.А. Белоусова // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. — 2023. — № 20(22). — С. 7.

[4] Салтыков А.Д. Письма из Индии / А.Д. Салтыков. — Текст: электронный // Восточная Литература. — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XIX/1840-1860/Saltykov/pred.phtml?id=3964> (дата обращения: 01.02.2026).

Рерихов, который занимается поддержанием наследия Рерихов в рамках более крупных организаций: Международного Центра Рерихов и Международного Комитета по сохранению Наследия Рерихов. Примерно в это же время тамильский язык, как один из самых распространенных языков Южной Индии, стал предметом исследования российских, а позже и советских лингвистов: С. К. Булича<sup>[1]</sup>, А. М. Мерварта<sup>[2]</sup> и В.С. Воробьев-Десятовского<sup>[3]</sup>. Они рассматривали тамильский язык как носителя уникальной культуры Юга, при этом сопоставляя его с другими дравидскими языками: телугу, малаялам и др.

В дальнейшем были открыты и другие точки соприкосновения между российской и индийской культурами. Так, в советское время стало популярным изучение индуистского учения. Причина этого состоит в том, что индуизм как религиозно-философская система, не связанная напрямую с западным капитализмом, вызывал интерес в советском академическом сообществе как альтернативная модель мировоззрения. С другой стороны, молодежь СССР изучала индуистскую культуру, поскольку в то время такие ранее популярные религии, как католицизм и православие, не поддерживались в рамках советской политики государственного атеизма. Однако Академия наук СССР даже инициировала перевод «Рамаяны и Махабхараты» Тулси Даса на русский язык<sup>[4]</sup>.

Важную роль в укреплении культурных связей между СССР и Индией сыграло и кино, хотя здесь особенно большую роль сыграл город Мумбаи, где зародился Болливуд. Хотя данное направление в мировом кинематографе географически относится к Западной

Индии, его популярность в СССР создавала общий культурный фон, на котором восприятие именно южноиндийской культуры (например, творчества Рериха, изучавшего и Юг) становилось более органичным. Индийская киноиндустрия, особенно кино Болливуда, стала альтернативным источником культурного потребления для российской аудитории. Индийское кино стало актуальным в том числе и потому, что в советский период капитализм как противостоящая коммунизму социально-экономическая система активно критиковалась на государственном уровне, советского зрителя привлекала иностранная культура, экзотическая и интересная, но при этом лишенная каких-либо политических предрассудков. Характерные для индийского кинематографа музыкальные и хореографические номера, а также яркая визуальная эстетика и драматургия в целом вызывали большой интерес. Свидетельством этого является болливудский фильм 1951 г. «Бродяга» (название на хинди: आवाग, «Awaaga») с Раджем Капуром в главной роли<sup>[5]</sup>. Фильм вышел на экраны в 1951 г. и получил широкое распространение в СССР, где был дублирован в 1954 г. на киностудии имени М. Горького. «Бродяга» занял 3-е место по посещаемости среди зарубежных лент, а в Индии в год выпуска он стал самым кассовым фильмом Болливуда всех времен.

#### РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ В ЮЖНОЙ ИНДИИ

С индийской стороны также рос интерес к русскому искусству и культуре. Сразу после получения независимости большая часть Индии была заинтересована в российской культуре. Например, в Индии были популярны произведения Л.Н. Толстого, его

[1] Булич С.К. Тамильский язык / С.К. Булич // Энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург: Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1901. — Т.64. — С. 572–575.

[2] Мерварт А.М. Грамматика тамильского разговорного языка / А.М. Мерварт. — Ленинград: Ленинградский восточный институт, 1929. — С. 16–22.

[3] Воробьев-Десятовский В.С. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков / В.С. Воробьев-Десятовский // Советское востоковедение. — 1956. — № 1. — С. 99–110.

[4] Barannikov A. Cultural Relations Between India and Russia / A. Barannikov // India Quarterly. — 1945. — Vol. 1, № 4. — P.319

[5] Fedotova N. All time favourite Hindi movies in Russia / N. Fedotova // Russia Beyond. — 04.01.2017. — URL: [https://www.rbth.com/arts/culture/2017/01/04/all-time-favourite-hindi-movies-in-russia\\_663783](https://www.rbth.com/arts/culture/2017/01/04/all-time-favourite-hindi-movies-in-russia_663783) (дата обращения: 01.02.2026).

представления о правильном государственном устройстве: концепция Толстого о «непротавлении злу силой» отчасти схожа с идеей М. Ганди о «ненасильственном сопротивлении» («сатьяграха»). В 50-х и 60-х гг. прошлого века определенную популярность в Индии завоевала и коммунистическая идеология. Советское руководство рассматривало эти настроения как потенциал для усиления своего идеологического и культурного влияния, используя в том числе инструменты информационного воздействия, и поддерживало прокоммунистические настроения в Индии через радио на разных индийских языках, в том числе и на тамильском, причем добились здесь определенных результатов<sup>[1]</sup>.

Одним из узлов сближения также стала игра в шахматы, одинаково популярная как в СССР, так и на ее исторической родине, в Индии, что также укрепило связь двух народов. Благодаря возросшему интересу индийцев к русскому языку и литературе Советский культурный центр в Мадрасе в 1972 г. основал шахматный клуб «Таль». При поддержке Москвы это объединение добилось мгновенного успеха, а шахматы стали еще одной визитной карточкой Мадраса, наряду с его богатым тамильским наследием. Мадрас в 80-х и 90-х гг. стал центром притяжения для шахматистов со всей страны, своеобразной «шахматной столицей» Индии. Мадрас стал родиной многих индийских гроссмейстеров. Пятнадцатый чемпион мира Вишванатан Ананд также начал свою карьеру в этом клубе.

Помимо литературы и религии, значительную роль в российском культурном влиянии на Южную Индию сыграли шахматы и кинематограф. Шахматный клуб «Таль» в Мадрасе (ныне Ченнаи), основанный в 1972

г. при поддержке Советского культурного центра, стал ярким примером спортивной дипломатии. Клуб был назван в честь Михаила Талья, легендарного советского гроссмейстера, и быстро привлек ведущих шахматистов<sup>[2]</sup>. Его основатель, Мануэль Аарон, считал это воплощением своей мечты, особенно после визита в 1980 г. Владимира Багирова, тренера Михаила Талья. Тогда Багиров провел показательные сеансы одновременной игры, вдохновив местных учеников, включая молодого Вишванатана Ананда<sup>[3]</sup>, будущего пятнадцатого чемпиона мира по шахматам. Ананд позже вспоминал этот эпизод как ключевой в своей карьере, подчеркивая вклад советской шахматной школы в развитие индийских талантов<sup>[4]</sup>. Во время своей встречи с президентом России В.В. Путиным, Ананд высоко оценил эту часть своей биографии и вклад Советского культурного центра в его развитие как профессионального шахматиста<sup>[5]</sup>.

Не менее важным каналом обмена стало кино. Советские фильмы демонстрировались в Советском культурном центре в Ченнаи (бывшем Мадрасе) с 1950-х гг. и привлекали внимание местной аудитории. Визит делегации советских деятелей культуры в феврале 1955 г. укрепил эти связи: делегация, включавшая поэтов, композиторов и писателей, таких как Юрий Завадский, Алексей Сурков, Мухтар Ауэзов и Мухтар Ашрафи, посетила Мадрас, где познакомилась с индийскими кинематографистами, включая Б.Н. Редди (основателя Vauhini Studios)<sup>[6]</sup>. Они также встретились с главным судьей Раджаманнаром в Радж Бхаване, одним из старейших дипломатов Индии Раджагопалачарией, первым вице-канцлером Мадрасского университета и губернатором

[1] Budhwar P. K. India-Russia Relations: Past, Present and the Future / P. K. Budhwar // India Quarterly. — 2007. — Vol. 63, № 3. — P. 80.

[2] Shah S. How did the Tal Chess Club begin in Madras in 1972 / S. Shah // ChessBase India. — 17.05.2021. — URL: <https://chessbase.in/news/The-history-of-the-famous-Tal-Chess-Club> (дата обращения: 01.02.2026).

[3] См. Приложение №1

[4] Anand V. The Tal Chess Club in Madras was like a second home to me, a place I visited so often to play chess. But one day stands out in my memory / V. Anand // Facebook. — 28.08.2024. — URL: <https://www.facebook.com/vishy64theking/posts/1064173102375567/> (дата обращения: 02.02.2026).

[5] Встреча с финалистами чемпионата мира по шахматам Вишванатаном Анандом и Борисом Гельфандом // Президент России. — 31.05.2012. — URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/15512> (дата обращения: 10.02.2026).

[6] См. Приложение №2

Мадраса<sup>[1]</sup>.

В ноябре того же года Мадрас посетили Никита Хрущёв и Николай Булганин, что произошло на фоне существенного развития советско-индийских двусторонних связей после активизации Москвы в вопросе национально-освободительного движения<sup>[2]</sup>. Хрущёв был тепло принят главным министром штата Тамилнад Камараджаром Айей и ознакомился с местной киноиндустрией в районе Кодамбаккам, где располагались студии тамильского, каннадского, малаяламского и телугу кино. Это укрепило партнёрство между советскими кинематографистами и такими индийскими студиями как Vauhini и AVM<sup>[3]</sup>. Культурные связи продолжали развиваться и в 1970-х гг. В марте 1972 г. заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Смирнов посетил Мадрас, Махабалипурам и Тируккаликундрам<sup>[4]</sup>, древнейшие центры тамильской цивилизации. Такие визиты способствовали углублению взаимопонимания и закладывали основу для долгосрочного сотрудничества.

Стоит добавить, что с распадом Советского Союза и либерализацией Москвой своей внешнеторговой политики появились возможности для углубления культурного обмена и в рамках российско-индийской торговли. К тому же и Индия после 1993 г. активно реализовывала новую экономическую политику «Делийского консенсуса»<sup>[5]</sup>, в результате начался процесс экономического сближения Индии с другими странами и приток иностранного капитала. Здесь Нью-Дели заняло достаточно лояльную по отношению к Москве позицию: в 1993 г. правительство Индии продлило выплату долга и предоставило кредитную линию российским пред-

приятиям для ведения торговли в Индии<sup>[6]</sup>. Растущий индийский средний класс в 90-е гг. стал поклонником многих российских товаров, в частности, водки и подсолнечного масла. То же самое произошло и с индийскими товарами, когда индийская одежда, специи, курица Масала, наан, роти (чапати) получили широкое распространение и стали элементами повседневной культуры по всей территории Российской Федерации. Растущий индийский средний класс в 90-е гг. стал поклонником многих российских товаров, в частности, водки и подсолнечного масла. То же самое произошло и с индийскими товарами, когда индийская одежда, специи, курица Масала, наан, роти (чапати) получили широкое распространение и стали элементами повседневной культуры по всей территории Российской Федерации.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основы для культурного сотрудничества России и Южной Индии были заложены еще в конце XIX в. Позже, уже в условиях формирования нового, постколониального миропорядка во второй половине XX в., на фоне активизации движения за независимость во всех частях Индии СССР получил возможность для развития своей культурной дипломатии. Впервые заложенные более 100 лет назад основные культурные точки соприкосновения остаются актуальными и в настоящее время. В рамках данной статьи было показано, что культура Южной Индии остается для российского общества не менее интересной, чем северной части страны. Верно и обратное: российское культурное влияние в этой части Индии имеет длинные исторические корни и потенциал для развития в наши дни. В дальнейшем

[1] Ауэзов М.О. Индийские встречи / М.О. Ауэзов. — Алма-Ата : Жазушы, 1973. — С. 50-54.

[2] Лунёв С.И. Указ. соч. С. 26.

[3] Sriram V. The Hindu. Tracing the Russian influence in the history of Chennai | Madras Day 2025. — Текст: электронный // The Hindu. — 2025. — 22 авг. — URL: <https://www.thehindu.com/news/cities/chennai/madras-day-2025-tracing-the-russian-influence-in-the-history-of-chennai/article69916752.ece> (дата обращения: 02.02.2026).

[4] Tamil Nadu State Administration Report 1971-1972 / Government of Tamil Nadu. — Chennai, 1972. — Section "Visits of Foreign Dignitaries to Tamil Nadu". — Document obtained from Connemara Old Library, Chennai.

[5] Галищева Н.В. «Делийский консенсус» — индийская модель либерализации экономики / Н.В. Галищева // Азия и Африка сегодня. — 2014. — № 3. — С. 2-3

[6] Ministry of Commerce and Industry, Government of India. Report of the India-Russia Joint Study Group / Government of India. — 2007. — 42 p. — URL: [https://commerce.gov.in/wp-content/uploads/2020/02/MOC\\_635567636562814678\\_Report\\_India\\_Russia\\_Joint\\_Study\\_Group\\_10\\_9\\_2007.pdf](https://commerce.gov.in/wp-content/uploads/2020/02/MOC_635567636562814678_Report_India_Russia_Joint_Study_Group_10_9_2007.pdf) (дата обращения: 01.02.2026).

данное взаимное влияние может расширяться, например, через дубляж тамильских фильмов («Колливуда»), что может быть интересно российскому зрителю на волне общего расширения интереса к западному кино.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэзов М.О. Индийские встречи / М.О. Ауэзов. — Алма-Ата : Жазушы, 1973. — 96 с.
2. Булич С.К. Тамильский язык / С.К. Булич // Энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург: Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1901. — Т.64. — С. 572–575.
3. Воробьев-Десятовский В.С. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков / В.С. Воробьев-Десятовский // Советское востоковедение. — 1956. — № 1. — С. 99–110.
4. Галищева Н.В. «Делийский консенсус» — индийская модель либерализации экономики / Н.В. Галищева // Азия и Африка сегодня. — 2014. — № 3. — С. 2–8.
5. Курылёв К.П. К вопросу об историографии советско-индийского сотрудничества в сфере науки и высшего образования (1955–1979 годы) / К.П. Курылёв, Л.А. Черешнева, Л.А. Белоусова // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. — 2023. — № 20(22). — С. 3–12.
6. Лунёв С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы / С.И. Лунёв // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 2(53). — С. 24–51.
7. Мерварт А.М. Грамматика тамильского разговорного языка / А.М. Мерварт. — Ленинград: Издание Ленинградского Восточного института имени А.С. Енукидзе, 1929. — 181 с.
8. Салтыков А.Д. Письма из Индии / А.Д. Салтыков. — Текст: электронный // Восточная Литература. — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XIX/1840-1860/Saltykov/pred.phtml?id=3964> (дата обращения: 01.02.2026).
9. Barannikov A. Cultural Relations Between India and Russia / A. Barannikov // India Quarterly. — 1945. — Vol. 1, № 4. — pp. 315–323.

10. Budhwar P. K. India-Russia Relations: Past, Present and the Future / P. K. Budhwar // India Quarterly. — 2007. — Vol. 63, № 3. — pp. 76–99.

#### REFERENCES

1. Auezov M.O. Indiyskie vstrechi [Indian Meetings] / M.O. Auezov. — Alma-Ata: Zhazushy, 1973. — 96 p.
2. Bulich S.K. Tamil'skij yazyk [The Tamil language] / S.K. Bulich // Enciklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary]. — Sankt-Peterburg: Izd. F.A. Brokgauz i I.A. Efron, 1901. — Т.64. — pp. 572–575.
3. Vorob'ev-Desyatovskij V.S. K voprosu o roli substrata v razvitii indoarijskih yazykov [On the question of the role of the substrate in the development of Indo-Aryan languages] / V.S. Vorob'ev-Desyatovskij // Sovetskoe vostokovedenie [Soviet Oriental Studies]. — 1956. — № 1. — pp. 99–110.
4. Galishcheva N.V. «Deliyskiy konsensus» — indiysskaya model' liberalizatsii ekonomiki [The «Delhi Consensus» — the Indian Model of Economic Liberalization] / N.V. Galishcheva // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]. — 2014. — No. 3. — pp. 2–8.
5. Kurylev K.P. K voprosu ob istoriografii sovetsko-indiyskogo sotrudnichestva v sfere nauki i vysshego obrazovaniya (1955–1979 gody) [On the Historiography of Soviet-Indian Cooperation in Science and Higher Education (1955–1979)] / K.P. Kurylev, L.A. Cheresheva, L.A. Belousova // Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy [Bulletin of Social-Economic and Humanitarian Research]. — 2023. — No. 20(22). — pp. 3–12.
6. Lunev S.I. Sovetsko-indiyskie otnosheniya (1955–1971 gg.): rozhdenie druzhby [Soviet-Indian Relations (1955–1971): The Birth of Friendship] / S.I. Lunev // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. — 2017. — No. 2(53). — pp. 24–51.
7. Mervart A.M. Grammatika tamil'skogo razgovornogo yazyka [Grammar of the Spoken Tamil language] / A.M. Mervart. — Leningrad: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo instituta imeni A.S. Enukidze, 1929. — 181 p.

8. Saltykov A.D. Pis'ma iz Indii [Letters from India] / A.D. Saltykov. — Text: electronic // Vostochnaya Literatura [Eastern Literature]. — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XIX/1840-1860/Saltykov/pred.phtml?id=3964> (accessed: 01.02.2026).
9. Barannikov A. Cultural Relations Between India and Russia / A.Barannikov // India Quarterly. — 1945. — Vol. 1, № 4. — P. 315–323.
10. Budhwar P. K. India-Russia Relations: Past, Present and the Future / P. K. Budhwar // India Quarterly. — 2007. — Vol. 63, № 3. — P. 76–99.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Сеанс одновременной игры в шахматы Владимира Багирова и индийских шахматистов в клубе «Таль», 1980 г. URL: <https://www.facebook.com/vishy64theking/posts/1064173102375567/> (дата обращения: 02.02.2026)



ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Советская делегация деятелей культуры в г. Мадрасе (Ченнаи), 1955 г. (архивные фото, оригиналы доступны в Русском доме в г. Ченнаи)



# Международная деятельность ГК «Росатом» как инструмент энергетической дипломатии России

Бондаренко Никита Дмитриевич

МГИМО МИД России,

Факультет международных отношений, 4 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

## РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу международной деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» в контексте внешней политики Российской Федерации и рассмотрению пределов конвертации атомного сотрудничества в политическое влияние. Цель исследования заключается в выявлении институциональной роли «Росатома» в системе международного взаимодействия России и определении условий, при которых зарубежные атомные проекты приобретают внешнеполитическое значение. Научная новизна работы состоит в отказе от упрощённой трактовки атомной энергетики как прямого инструмента политического давления и в интерпретации проектов «Росатома» через призму ограниченной и контекстуальной взаимозависимости. Теоретической основой исследования выступают положения либерального подхода к анализу энергетической дипломатии и теории комплексной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная, а также концепция энергетической дипломатии в российской и зарубежной научной традиции. Эмпирическую базу состав-

ляют проекты строительства АЭС в Турции («Аккую»), Индии («Куданкулам») и Венгрии («Пакш-2»), различающиеся по контрактным моделям, распределению рисков и роли в национальных энергобалансах принимающих государств. В работе использованы методы сравнительного и институционального анализа, а также case study. Результаты исследования показывают, что зарубежные проекты «Росатома» формируют устойчивые институционализированные режимы сотрудничества, включающие межправительственные соглашения, государственное кредитование, кооперацию в топливном цикле и подготовку кадров. Вместе с тем установлено, что подобная взаимозависимость не гарантирует политической лояльности партнёров и не трансформируется автоматически в инструмент внешнеполитического принуждения. Сделан вывод о том, что атомная энергетика выступает фактором устойчивости и инерционности двусторонних отношений, значение которого определяется ролью конкретной АЭС в национальном энергобалансе и общей конфигурацией внешнеполитических приоритетов государства-партнёра.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Росатом; атомная энергетика; энергетическая дипломатия; внешняя политика России; АЭС «Аккую»; АЭС «Куданкулам»; АЭС «Пакш-2»

Для связи с авторами: bondarenkoff130905@gmail.com

# The International Activities of Rosatom State Corporation as an Instrument of Russia's Energy Diplomacy

Nikita D. Bondarenko

MGIMO University,  
School of international relations, 4th Year  
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

## ABSTRACT

The article analyzes the international activities of the State Atomic Energy Corporation Rosatom in the context of the foreign policy of the Russian Federation and examines the limits of converting nuclear cooperation into political influence. The aim of the study is to identify Rosatom's institutional role within Russia's system of international interaction and to determine the conditions under which overseas nuclear projects acquire foreign-policy significance. The scholarly novelty of the research lies in rejecting a simplified interpretation of nuclear energy as a direct instrument of political pressure and in conceptualizing Rosatom's projects through the lens of limited and context-dependent interdependence. The theoretical framework is grounded in the liberal approach to the analysis of energy diplomacy and the theory of complex interdependence developed by R. Keohane and J. Nye, as well as in the concept of energy diplomacy as articulated in Russian and international scholarship. The empirical basis of the study comprises nuclear power plant

construction projects in Turkey (Akkuyu), India (Kudankulam), and Hungary (Paks II), which differ in their contractual models, risk-sharing arrangements, and roles within the national energy balances of the host states. The research employs comparative and institutional analysis, as well as the case study method. The findings demonstrate that Rosatom's overseas projects generate stable, institutionalized regimes of cooperation, including intergovernmental agreements, state-backed financing, cooperation across the nuclear fuel cycle, and personnel training. At the same time, the study shows that such interdependence does not guarantee political loyalty on the part of partner states and does not automatically translate into an instrument of foreign-policy coercion. The article concludes that nuclear energy functions as a factor of stability and inertia in bilateral relations, the significance of which is determined by the role of a specific nuclear power plant in the national energy balance and by the broader configuration of the partner state's foreign-policy priorities.

## KEYWORDS

Rosatom; nuclear energy; energy diplomacy; Russian foreign policy; Akkuyu Nuclear Power Plant; Kudankulam Nuclear Power Plant; Paks II Nuclear Power Plant

Contact the authors via: [ski115@yandex.ru](mailto:ski115@yandex.ru); [niktikh0305@gmail.com](mailto:niktikh0305@gmail.com); [maheshadithya35@gmail.com](mailto:maheshadithya35@gmail.com)

Современные международные отношения характеризуются усилением конкуренции в сфере энергетики и высоких технологий. На этом фоне возрастает значение энергетической дипломатии — формы внешнеполитической деятельности, направленной на продвижение национальных интересов посредством экспорта энергетических решений, инфраструктуры и технологических компетенций. Особую роль в этой сфере играет атомная энергетика как источник с высокой надёжностью, низким уровнем выбросов и значительным потенциалом для формирования долгосрочных форм международного сотрудничества.

Россия входит в число немногих государств, обладающих полным ядерным циклом и способностью к реализации масштабных проектов в области мирного атома. Ключевым исполнителем этой политики выступает Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», осуществляющая деятельность в десятках стран.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа международной деятельности ГК «Росатом» как инструмента реализации внешнеполитических задач России. В условиях глобального энергоперехода, усиления климатических обязательств и изменчивости геополитической обстановки экспорт ядерных технологий становится не только элементом промышленной стратегии, но и механизмом укрепления международных позиций государства.

Цель исследования — выявить роль международной деятельности ГК «Росатом» как инструмента внешней политики Российской Федерации и выявить пределы конвертации сотрудничества в политическое влияние. Объектом исследования выступает международная деятельность Государственной корпорации «Росатом», а предметом — энергетическая дипломатия России. В рамках исследования нами поставлены следующие задачи. Во-первых, определить институциональную роль ГК «Росатом» в международном сотрудничестве России в атомной

сфере. Во-вторых, при анализе зарубежных проектов компании выявить возникающие риски. В-третьих, определить пределы конвертации сотрудничества в атомной энергетике в политическое влияние.

Хронологические рамки охватывают период с 2007 г. до 2025 г. Нижняя граница связана с созданием ГК «Росатом». Верхняя граница соответствует современному этапу активизации атомной энергетики, сопровождаемому расширением экспортной политики «Росатома», изменениями в международных нормативных подходах (например, включением атомной генерации в европейскую таксономию), а также трансформацией механизмов международного взаимодействия. Для создания контекста используется ретроспективный анализ становления атомной энергетики в СССР, а также событий 1973 г., ускоривших развитие рассматриваемой отрасли в мировом масштабе.

Эмпирическую основу работы составляют проекты, реализуемые «Росатомом» в Турции, Индии и Венгрии. Эти кейсы подобраны таким образом, чтобы отразить географическое и институциональное разнообразие подходов к международной кооперации, включая как крупные энергетические объекты, так и проекты гуманитарного и исследовательского профиля.

В исследовании применяются методы системного и сравнительного анализа, а также исторический подход. Использование метода case study позволило подробно рассмотреть отдельные примеры кооперации и оценить их институциональное наполнение. Такой междисциплинарный подход обеспечивает целостное понимание механизмов трансформации экспортных проектов в устойчивые внешнеполитические форматы.

В российской научной литературе вопрос о «Росатоме» как инструменте внешней политики и ядерной дипломатии пока разрабатан фрагментарно: чаще обсуждаются энергетическая дипломатия в целом или отдельные сюжеты атомного экспорта, тогда как механизмы конвертации проектов в политическое влияние описаны точно.

Среди немногочисленных работ, где «Росатом» рассматривается именно как внешнеполитический актор, выделяется статья М.Ф. Уткиной «Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации»<sup>[1]</sup>: автор показывает, что госкорпорации дополняют классические институты внешней политики, при этом упор в работе делается на доказательство тезиса о высокой политизированности атомного экспорта. Близкую оптику предлагает А.М. Бобыло в статье «Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность?»<sup>[2]</sup>. Наконец, Д.А. Миргород и Е.Ф. Парубочая в работе «Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке»<sup>[3]</sup> на примере конкретных кейсов делают попытку показать, как сотрудничество в сфере мирного атома может способствовать налаживанию политического диалога в странах Ближнего Востока. Отдельно стоит отметить работу А.А. Серегинной<sup>[4]</sup>, одну из редких попыток прямо описать «Росатом» в логике дипломатического инструментария. В зарубежной литературе проекты «Росатома» чаще всего рассматриваются как угрожающие суверенитету и навязывающие асимметричную зависимость, а не взаимовыгодную энергетическую кооперацию. Характерный пример — публикация итальянского аналитического центра Istituto Affari Internazionali «Russian Nuclear Diplomacy in the Global South, and How to Respond to It» («Российская ядерная дипломатия в Глобальном Юге и способы реаги-

рования на неё»)<sup>[5]</sup>, где российская ядерная дипломатия описывается преимущественно как инструмент «закабаления» стран Глобального Юга через долговые и технологические привязки<sup>[6]</sup>. В более широком массиве работ схожая логика просматривается и в европейском контексте: внимание смещено на риски зависимости от российских поставок топлива<sup>[7]</sup>, а Росатом нередко трактуется как «политическое оружие» Москвы. При этом часть авторов пытается удержать более взвешенный аналитический подход. Так, Юсеф Саид Фараг и Александр Виммерс в главе «Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects» («Ядерная дипломатия: анализ зарубежных проектов нового строительства России»)<sup>[8]</sup> показывают двойственность феномена: «ядерная дипломатия» может работать на развитие партнёрства и привлекательности, но одновременно формирует структурную зависимость, по логике близкую к сырьевой.

Новизна настоящего исследования заключается, прежде всего, в его методологии, а именно, в попытке объяснить роль зарубежной деятельности «Росатома» через призму различных теорий международных отношений, о чем подробнее будет сказано далее. Более того, проекты компании не демонстрируются исключительно через логику «weaponized interdependence», доминирующей в западной академической литературе и некоторых российских работах. В отличие от подходов, трактующих трансграничные инфраструктурные проекты прежде всего как механизмы асимметричного принуждения,

[1] Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации / М.Ф. Уткина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 72–79.

[2] Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? / А.М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 3 (46). — С. 29.

[3] Миргород Д.А., Парубочая Е.Ф. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке / Д.А. Миргород, Е.Ф. Парубочая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 213–223

[4] Серегина А.А. Дипломатия мирного атома / А.А. Серегина // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 3. — С. 120–131.

[5] Russian Nuclear Diplomacy in the Global South and How to Respond to It // Istituto Affari Internazionali : официальный сайт. — URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/russian-nuclear-diplomacy-global-south-and-how-respond-it> (accessed: 11.04.2025).

[6] The Peaceful Atom in Times of War // Russian Studies Romania. — 16.02.2023. — URL: <https://russianstudiesromania.eu/2023/02/16/the-peaceful-atom-in-times-of-war/> (accessed: 11.04.2025).

[7] Szulecki K. Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine / K. Szulecki, I. Overland // Nature Energy. — 2023. — Vol. 8. — pp. 413–421.

[8] Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // Nuclear Power / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 215–238.

навязывания политической воли, в статье показано, что международное сотрудничество «Росатома», помимо прочего, ориентировано на содействие формированию энергетической безопасности государств-реципиентов, а также расширение их доступа к технологиям мирного атома на взаимовыгодной и долгосрочной основе. Особенностью данной работы также является попытка выявить закономерности конвертации сотрудничества в атомной энергетике в реальное политическое влияние.

#### МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ АНАЛИЗА

Энергетическая проблематика занимает одно из ключевых мест в теоретических и прикладных дебатах в рамках международных отношений<sup>[1]</sup>. При этом представители реалистской и либеральной традиций по-разному интерпретируют значение энергетике. В рамках реализма энергетика трактуется прежде всего как стратегический ресурс, используемый в соперничестве между государствами. С этой точки зрения международная энергетическая политика предстает как игра с нулевой суммой, в которой ключевой задачей становится контроль над ограниченными ресурсами<sup>[2]</sup>. В результате внешняя энергетическая зависимость интерпретируется в реалистской логике как угроза национальной безопасности, тогда как крупные экспортёры описываются как обладатели «оружия», используемого для принуждения «слабых»<sup>[3]</sup>.

В рамках реалистского подхода основными и фактически единственными значимыми акторами энергетической политики выступают государства. Именно они определяют контуры энергетической безопасности, а государственный контроль над энергетическим

сектором рассматривается как необходимое условие успешной политики<sup>[4]</sup>.

Тем не менее реалистский подход в анализе сотрудничества стран в сфере мирного атома значительно устарел в современных условиях. Несмотря на то, что государства все так же играют центральную роль, круг участников энергетической политики значительно расширился за счёт международных организаций, частных компаний и транснациональных корпораций. На это указывает либеральная теория, которая и является доминирующей рамкой для данной работы.

Помимо вопроса об акторах, либералы расходятся с реалистами в том, что подчёркивают способность государств вырабатывать общие нормы и институциональные правила, позволяющие развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество. «Торговля энергией» в этой логике понимается как игра с положительной суммой, приносящая выгоды как экспортёрам, так и импортёрам. Ключевым понятием становится взаимозависимость: производители энергии заинтересованы в стабильных рынках сбыта, тогда как потребители выигрывают от надёжного и предсказуемого доступа к ресурсам<sup>[5]</sup>.

При этом зависимость носит взаимный характер: экспортёры нуждаются в доходах от энергетической торговли и часто связаны с импортёрами и в других секторах, включая промышленность и высокие технологии. Резкое прекращение поставок сопряжено для них с риском экономических потерь и ответных мер, подрывающих социальную и финансовую устойчивость. Помимо общей либеральной оптики, при анализе будут использоваться отдельные теории. К примеру, С. Краснера<sup>[6]</sup>.

[1] Prontera A. Beyond the EU regulatory state: Energy security and the Eurasian gas market / A. Prontera. — Colchester : ECPR Press, 2019. — P. 36-37.

[2] Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — P. 9-10.

[3] Labelle M.C. Energy as a weapon of war: Lessons from 50 years of energy interdependence / M.C. Labelle // Global Policy. — 2023. — Vol. 14. — No. 3. — P. 531-547

[4] Siddi M. Theorising conflict and cooperation in EU-Russia energy relations: Ideas, identities and material factors in the Nord Stream 2 debate / M. Siddi // East European Politics. — 2020. — Vol. 36. — No. 4. — P. 544-563.

[5] Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — P. 10-12.

[6] Krasner S.D. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables / S.D. Krasner // International Organization. — 1982. —

Она позволит показать, что зарубежные проекты «Росатома» работают не как разовые сделки, а как институционализированные режимы (межправсоглашения, кредитные схемы, правила поставок топлива и возврата ОЯТ, процедуры лицензирования и надзора, стандарты МАГАТЭ). Эти формальные и неформальные нормы структурируют поведение партнёров, снижают неопределённость и «закрепляют» долгосрочное сотрудничество.

Другой важной основой методологии выступает теория взаимозависимости Дж. Ная и Р. Кеохейна<sup>[1]</sup>. Она позволяет объяснить, почему экспортные проекты «Росатома» формируют не просто коммерческие связи, а устойчивую взаимозависимость, способную стимулировать сотрудничество даже при политической турбулентности. Долгосрочные контракты, топливный цикл, сервис, обучение кадров и регуляторная координация повышают «стоимость разрыва» для обеих сторон и тем самым сдерживают конфронтационную динамику. При этом такая связность трактуется как элемент более широкой системы комплексной взаимозависимости: она переплетена с другими сферами двусторонних отношений.

В целях повышения концептуальной чёткости исследования представляется необходимым предварительно уточнить используемый понятийный аппарат. В широком смысле предметом данной работы является «энергетическая дипломатия» России. Определение данного термина в российской научной среде дал профессор МГИМО С.З. Жизнин, определив ее как практическую деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств, в ряде случаев — совместно с компаниями, по осуществлению целей и задач «внешней

энергетической политики»<sup>[2]</sup>. В узком смысле предметом анализа является «дипломатия в ядерной энергетике»<sup>[3]</sup>, которая является составной частью вышеупомянутого понятия. В данной работе под этим термином подразумевается внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность государств по обеспечению своих экономических и геополитических интересов в международном сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

#### И Н С Т И Т У Ц И О Н А Л Ь Н А Я Р О Л Ь Г К « Р О С А Т О М » В М Е Ж Д У - Н А Р О Д Н О М С О Т Р У Д Н И Ч Е С Т В Е Р О С С И И В А Т О М Н О Й С Ф Е Р Е

Ядерная энергетика в России, как и в Советском Союзе, с момента своего возникновения рассматривалась не только как технологический и промышленный проект, но и как инструмент внешнеполитического влияния. Уже в 1950–1960-е гг. СССР целенаправленно продвигал концепцию «мирного атома», выступая в роли поставщика ядерных технологий, оборудования и образовательных услуг для дружественных государств<sup>[4]</sup>. По данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), в рамках сотрудничества со странами — членами СЭВ за рубежом были построены исследовательские ядерные установки, направлены свыше тысячи советских специалистов, а более трёх тысяч инженеров и учёных из иностранных государств прошли обучение в СССР<sup>[5]</sup>. Подобная практика свидетельствует о том, что ядерные технологии с раннего этапа их развития использовались как канал дипломатического взаимодействия, способствующий формированию устойчивых политических связей и технологической зависимости государств-партнёров от советской научно-производственной базы.

Vol. 36. — No. 2. — P. 497–510. — DOI: 10.1017/S0020818300019032. — URL: <https://doi.org/10.1017/S0020818300019032> (accessed: 29.12.2025).

[1] Keohane R.O. Power and interdependence / R.O. Keohane, J.S. Nye. — New York ; London : Longman, 2001. — 334 p.

[2] Жизнин С.З. Дипломатия в ядерной энергетике / С.З. Жизнин, В.М. Тимохов // Энергетическая политика. — 2017. — № 3. — С. 90.

[3] Там же.

[4] Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? / А.М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 3 (46). — С. 29.

[5] Morokhov I. The first atomic power station and international co-operation in the peaceful uses of atomic energy / I. Morokhov // International Atomic Energy Agency Bulletin. — 1974. — Vol. 16. — No. 3. — P. 45–56.

После распада Советского Союза атомная отрасль столкнулась с глубоким системным кризисом, обусловленным разрывом хозяйственных связей, резким сокращением государственного финансирования и утратой значительной части зарубежных рынков. В этих условиях возникла угроза деградации уникального научно-технологического и производственного потенциала, накопленного в советский период. Ответом на данные вызовы стала масштабная институциональная реформа, инициированная государством, ключевым результатом которой стало создание в 2007 г. Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Нормативной основой данных преобразований выступили, в частности, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (1995)<sup>[1]</sup> и Федеральный закон «О Госкорпорации по атомной энергии «Росатом»» (2007)<sup>[2]</sup>, закрепившие особый правовой статус корпорации и её роль в системе государственного управления.

Госкорпорация «Росатом» занимает уникальное место в российской институциональной архитектуре. В отличие от большинства государственных корпораций, она не ограничивается выполнением хозяйственных функций, а наделена публично-властными полномочиями, что делает её квазигосударственным органом исполнительной власти<sup>[3]</sup>. По сути, «Росатом» выступает уполномоченным от имени Российской Федерации субъектом государственного управления в сфере использования атомной энергии. В его компетенцию входят как задачи, относящиеся к оборонному сегменту (включая разработку, производство и утилизацию ядерных вооружений и энергетических установок военного назначения), так и

функции нормативно-правового регулирования и администрирования гражданской атомной отрасли.

Международное измерение деятельности «Росатома» также существенно выходит за рамки обычной внешнеэкономической экспансии. Корпорация выполняет функции, имеющие прямое внешнеполитическое значение, и действует в тесной координации с Министерством иностранных дел России и другими федеральными органами власти. В числе приоритетов её международной активности обычно выделяются укрепление позиций России на мировом рынке атомной энергетики, продвижение российских технологий и услуг, поддержание режимов ядерной безопасности и нераспространения, а также участие в работе профильных международных организаций и форумов. Для сопровождения крупных зарубежных проектов задействуются механизмы так называемого «дипломатического обеспечения», включающие межправительственные и межведомственные договорённости, экспортное кредитование, а также деятельность зарубежных представительств, функционирующих при российских загранучреждениях.

Зарубежная деятельность «Росатома» напрямую соотносится с положениями Концепции внешней политики Российской Федерации. В её последней редакции (2023 г.)<sup>[4]</sup> развитие международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии прямо обозначено в числе приоритетов внешнеполитической стратегии России. Особо подчёркивается готовность содействовать удовлетворению энергетических потребностей заинтересованных государств при одновременном уважении

[1] Курашвили А.Ю. Правовые основы международного договорного сотрудничества Госкорпорации «Росатом» / А.Ю. Курашвили // Юридическая наука. — 2016. — № 4. — С. 63.

[2] О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102118565&backlink=1&&nd=102118574> (дата обращения: 11.04.2025).

[3] Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации / М.Ф. Уткина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 74.

[4] Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 12.09.2025).

их суверенного права на формирование собственной национальной политики в энергетической сфере. Принятое в 2007 г. стратегическое решение о создании единого отраслевого центра управления, а также последовательная государственная поддержка атомной отрасли позволили «Росатому» не только сохранить, но и значительно укрепить свои позиции, превратившись в одного из мировых лидеров в сфере ядерной энергетики.

#### МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ РОСАТОМА: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ВЗАИМНЫЕ РИСКИ

Чтобы предметно оценить, какие выгоды получает Российская Федерация от зарубежной деятельности «Росатома» и с какими рисками сталкивается, целесообразно перейти от общих положений к разбору конкретных кейсов. В данной главе рассматриваются три проекта строительства АЭС — в Турции («Аккую»), Индии («Куданкулам») и Венгрии («Пакш-2»). Такая выборка, во-первых, обеспечивает широкий географический охват, а во-вторых, позволяет сопоставить разные контрактные модели и конфигурации взаимодействия с принимающими государствами. Дополнительный аргумент — различная потенциальная роль этих станций в национальных энергобалансах: ожидаемая доля атомной генерации в структуре производства/потребления электроэнергии неодинакова, что помогает точнее оценить внешнеполитическую «отдачу» подобных проектов.

#### ТУРЦИЯ: АЭС «АККУЮ»

Нынешняя (пятая) попытка реализации турецкой АЭС получила первую лицензию ещё в 1976 г. В 2004 г. были заявлены планы строительства трёх реакторов совокупной мощностью около 5 ГВт с вводом блоков к 2012 г. В 2008 г. конкурс завершился победой российской AtomStroyExport (структу-

ра «Росатома»), однако в 2009 г. тендер был аннулирован после судебного оспаривания процедуры. Поворотным моментом стало межправительственное соглашение 2010 г., подписанное в ходе визита президента РФ Д. А. Медведева в Анкару: строительство и эксплуатация АЭС «Аккую» были закреплены без повторного тендера<sup>[1]</sup>.

Проект предусматривает четыре энергоблока ВВЭР-1200 суммарной мощностью 4 800 МВт. Строительство первого и последнего блоков началось в 2018 и 2022 гг.; пуск первого блока в актуальных оценках сдвинут на 2026 г., а стоимость выросла примерно с 20 до 25 млрд долл. США. Проектный срок службы — 60 лет с возможностью продления на 20 лет; потенциальный вклад в энергопотребление Турции оценивается до 10%. Ключевая особенность «Аккую» — модель ВОО (build-own-operate)<sup>[2]</sup>: «Росатом» строит, финансирует и затем эксплуатирует станцию, принимая на себя базовые финансовые и операционные риски. Доходность проекта закрепляется механизмом закупки электроэнергии: 70% выработки первых двух блоков и 30% — двух последующих должны приобретаться турецким покупателем TETAŞ в течение 15 лет по средневзвешенной цене 123,5 долл. за МВт·ч (без НДС)<sup>[3]</sup>. Отработавшее топливо подлежит возврату в Россию, что снижает для Турции потребность в собственной инфраструктуре обращения с высокоактивными отходами. С учётом государственного статуса «Росатома» крайние риски при неблагоприятном сценарии в итоге проецируются и на российскую сторону.

#### ИНДИЯ: АЭС «КУДАНКУЛАМ»

Проект остаётся ключевым направлением российско-индийского сотрудничества в атомной сфере и реализуется в штате Тамилнад. Институциональная основа заложена межправительственным соглашением 1998 г., а работы были начаты в 2002 г.

[1] Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // Nuclear Power / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 254.

[2] World Nuclear Industry Status Report 2024. — URL: <https://www.worldnuclearreport.org/World-Nuclear-Industry-Status-Report-2024-1046> (accessed: 29.12.2025). — P. 197.

[3] Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // Nuclear Power / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 254.

Первая очередь включает два блока с ВВЭР-1000: коммерческий ввод первого состоялся в 2014 г., второго — в 2016 г.<sup>[1]</sup>. В дальнейшем сотрудничество расширили: в 2014–2015 гг. согласовано строительство блоков №3–4, в 2017 г. — №5–6; ввод новых мощностей намечен на вторую половину 2020-х гг. После завершения всех шести блоков установленная мощность достигнет порядка 6 ГВт, что позволит станции стать одной из крупнейших в стране и обеспечить заметную долю выработки.

В отличие от «Аккую», индийский кейс реализуется по классической межгосударственной схеме EPC (engineering–procurement–construction): заказчиком выступает государственная NPCIL, а «Росатом» (и его структуры) обеспечивает проектирование, поставки оборудования и техническое сопровождение строительства. Финансирование частично строится на льготных государственных кредитах РФ. По имеющимся оценкам, первая очередь была профинансирована российской стороной примерно на 30% (с учётом окончательных расчётов после ввода)<sup>[2]</sup>, блоки №3–4 — ориентировочно на 50% по протоколу о финансировании<sup>[3]</sup>; сопоставимая доля предусмотрена и для блоков №5–6<sup>[4]</sup>. Принципиально важно, что кредиты фиксированы: если итоговая стоимость растёт, разница покрывается индийской стороной — как это произошло при реализации первой очереди. При этом право собственности и операционный контроль остаются у Индии. Отработавшее топливо на начальном этапе вывозится в Россию для переработки, но в перспективе Индия ориен-

тируется на развитие собственной замкнутой инфраструктуры ядерного топливного цикла, что потенциально сокращает глубину долговременной технологической зависимости.

ВЕНГРИЯ: «ПАКШ - 2»

Действующая АЭС «Пакш» (1980-е гг.) обеспечивает около половины выработки электроэнергии Венгрии, что во многом предопределило выбор расширения на той же площадке. В марте 2009 г. парламент поддержал подготовку к строительству новых блоков; в 2011 г. курс закрепила Национальная энергетическая стратегия<sup>[5]</sup>. В 2012 г. учреждена компания MVM Paks II Ltd., а в январе 2014 г., в ходе визита президента РФ В. В. Путина в Будапешт, подписано межправительственное соглашение о сооружении двух блоков ВВЭР-1200; генеральным подрядчиком определён «Росатом»<sup>[6]</sup>.

«Пакш-2» предполагает два реактора общей мощностью 2 400 МВт со сроком эксплуатации 60 лет (с возможностью продления)<sup>[7]</sup>. Контрактная модель здесь ближе к «классике»: собственником и оператором остаётся венгерская сторона, российская — отвечает за проектирование, поставки оборудования и строительство. Финансирование основано на государственном кредите РФ до 10 млрд евро (до 80% стоимости), а оставшаяся часть покрывается венгерским бюджетом. В отличие от ВОО (build–own–operate) Россия не получает прав собственности и не участвует в эксплуатации станции.

В рамках реалистской перспективы сотрудничество в сфере ядерной энергетики нередко трактуется как «игра с нулевой сум-

[1] Report of the Comptroller and Auditor General of India on Kudankulam Nuclear Power Project, Units I and II for the year ended March 2017 : Union Government, Department of Atomic Energy: Report No. 38 of 2017 (Performance Audit). — New Delhi: Comptroller and Auditor General of India, 2017. — P. 2.  
[2] Там же. — С. 25.

[3] Russia to give \$3.4 billion credit for two more atomic power plants in Tamil Nadu / PTI // The Economic Times. — 2012. — 17 July. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/russia-to-give-3-4-billion-credit-for-two-more-atomic-power-plants-in-tamil-nadu/articleshow/15020087.cms> (accessed: 29.12.2025).

[4] Kudankulam's 2 new units to cost Rs 50k cr; Russia to fund half of it // Business Standard. — 2017. — 02 June. — URL: [https://www.business-standard.com/article/economy-policy/kudankulam-s-2-new-units-to-cost-rs-50k-cr-russia-to-fund-half-of-it-117060200422\\_1.html](https://www.business-standard.com/article/economy-policy/kudankulam-s-2-new-units-to-cost-rs-50k-cr-russia-to-fund-half-of-it-117060200422_1.html) (accessed: 29.12.2025).

[5] Paks II Ltd. Background of the project // Paks II Project : official website. — URL: <https://www.paks2.hu/web/paks-2-en/background-of-the-project> (accessed: 29.12.2025).

[6] Agreement between the Government of Hungary and the Government of the Russian Federation to cooperate on the utilization of nuclear energy for peaceful purposes // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) : official website. — URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC135724/> (accessed: 11.04.2025).

[7] АЭС «Пакш-II» (Венгрия) : официальный проект // АСЭ РОСАТОМ : официальный сайт. — URL: <https://ase-ec.ru/about/projects/aes-paksh-2/> (дата обращения: 29.12.2025).

нередко трактуется как «игра с нулевой суммой», в которой поставщик технологий получает структурные преимущества и формирует зависимость партнёра, не обладающего развитой атомной отраслью. Однако сопоставление трёх кейсов показывает, что подобная интерпретация плохо описывает современные практики: контрактная база взаимодействия «Росатома» с Турцией, Индией и Венгрией фиксирует взаимные выгоды, но одновременно закладывает риски, релевантные для обеих сторон.

Так, модель ВОО в проекте «Аккую», предусматривающая полное владение и эксплуатацию станции российской стороной, концентрирует существенные финансовые риски на «Росатоме»: издержки, связанные с задержками, сбоями в цепочках поставок и потенциальными внештатными ситуациями, в значительной мере ложатся на российскую компанию. Вместе с тем Турция сохраняет уязвимости иного порядка. Во-первых, она зависит от российского персонала и от закупок электроэнергии. Во-вторых, после завершения 15-летнего соглашения о закупке электроэнергии она будет реализовываться по рыночным ценам, динамика которых заранее не определена. Наконец, положение Турции как фактически единственного покупателя выработки повышает чувствительность к ценовым и политическим рискам, тогда как Россия сохраняет операционный контроль на неопределённый срок, что потенциально может приобретать стратегическое значение с учётом членства Турции в НАТО. Одновременно обязательство российской стороны по вывозу отработавшего топлива снижает нагрузку на Турцию в части обращения с высокоактивными отходами.

Венгерский проект «Пакш-2» также формирует взаимные обязательства и сопряжён с рисками для обеих сторон. Российская Федерация предоставляет кредит, покрывающий основную часть затрат на строительство; ставка порядка 3% является сравнительно низкой для проектов такого масштаба и фактически выступает финансовой уступкой со

стороны Москвы. Как и в других кейсах, Россия берёт на себя обязательства по вывозу и последующей переработке/захоронению отработавшего топлива, что снижает соответствующие риски для Венгрии, но переносит экологическую нагрузку на российскую сторону. В то же время после ввода блоков в эксплуатацию Будапешт оказывается в высокой степени зависимым от поставок российского ядерного топлива компанией «ТВЭЛ», что может рассматриваться как долгосрочная уязвимость венгерской стороны.

С точки зрения распределения рисков индийский проект выглядит сравнительно более сбалансированным: основные финансовые обязательства по постройке (сумма льготного кредита РФ существенно ниже) несёт индийское государство, а не российская сторона, как это предусмотрено в Турции. Для Индии преимуществом является то, что в проекте отсутствует зависимость от российского персонала: управление будут осуществлять национальные специалисты — благодаря договорённостям об обучении кадров и в силу развитости собственной атомной промышленности. Наконец, отсутствие долгосрочного соглашения о покупке электроэнергии по фиксированным тарифам снижает вероятность политизации проекта на стадии эксплуатации.

Таким образом, реализацию зарубежных проектов «Росатома» можно интерпретировать в русле либеральной логики ядерной энергетической дипломатии. Риски распределяются между всеми участниками: для России наиболее значимы финансовые и экологические издержки, однако ожидаемые выгоды остаются очевидными. Уже на стадии строительства — до ввода объектов в эксплуатацию — просматривается формирование устойчивой «связанности» между Россией и государствами-партнёрами. Межправительственные соглашения, льготное кредитование, а также договорные механизмы поставок и обращения с ядерным топливом задают институционализированные режимы взаимодействия, которые

снижают неопределённость, повышают предсказуемость обязательств и укрепляют двустороннее сотрудничество.

#### МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ РОСАТОМА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

Количественно «доказать» политическое влияние, возникающее вокруг зарубежных проектов «Росатома», почти невозможно: влияние не является наблюдаемой величиной и редко имеет однозначный причинно-следственный механизм. Один и тот же политический результат (голосование, позиция на переговорах, сдержанная риторика) может объясняться множеством факторов — от внутривнутриполитической динамики и экономической конъюнктуры до союзнических обязательств, угроз безопасности и отношений с третьими странами. Кроме того, влияние проявляется ситуативно и нелинейно: его эффект может становиться заметным преимущественно в кризисные периоды, тогда как в «нормальные» времена он остаётся скрытым. Методологические трудности усиливаются ограниченным доступом к данным: реальные условия контрактов, неформальные договорённости и логика принятия решений часто не публичны. Наконец, практически невозможно построить корректный «контрфакт» — то есть убедительно ответить на вопрос, как изменилась бы политическая линия государства при отсутствии проекта.

Кризис, развернувшийся после 24 февраля 2022 г., сформировал редкую эмпирическую ситуацию, частично компенсирующую эти ограничения. Ужесточение санкционного режима и рост репутационных издержек сотрудничества с Россией стали своеобразным «стресс-тестом» для уже сложившихся режимов взаимозависимости, позволяя наблюдать их устойчивость в условиях резкого повышения политических рисков.

Ключевым фактором, определяющим «удерживающее» значение атомных проектов, выступает не сам факт участия России, а место конкретной станции в национальном энергобалансе принимающего государства. Там, где атомная генерация является системообразующим элементом электроэнергетики, связанные с ней проекты приобретают характер долгосрочного ограничителя политического разрыва. Показателен венгерский пример: действующая АЭС «Пакш» обеспечивает около 48% выработки электроэнергии в стране<sup>[1]</sup>, а проект «Пакш-2» призван сохранить эту долю по мере вывода старых блоков из эксплуатации. Для Будапешта это означает доступ к относительно дешёвой, стабильной и низкоуглеродной базовой генерации, отказ от которой без равноценной замены сопряжён с существенными экономическими и социальными издержками. При этом «Пакш-2» не следует трактовать как единственный или главный мотив развития отношений Венгрии с Россией, однако регулярное упоминание проекта в заявлениях высших должностных лиц указывает на его заметную политическую значимость.

Иная ситуация складывается там, где проекты «Росатома» не играют сопоставимой роли в энергобалансе. Так, финский проект Hanhikivi-1 даже в случае реализации должен был обеспечивать порядка 8–10%<sup>[2]</sup> внутреннего производства электроэнергии. Такая доля не формировала критической зависимости и, как показали события 2022 г., не стала фактором, способным удержать проект в условиях роста политических рисков: Финляндия вышла из него, сославшись на неблагоприятную международную обстановку.

Промежуточное положение занимает Турция. АЭС «Аккую» также рассчитана примерно на 10% национального энергопотребления, то есть сопоставима по масштабу с финским кейсом, однако сотрудничество не

[1] World Nuclear Industry Status Report 2024 // World Nuclear Industry Status Report. — URL: <https://www.worldnuclearreport.org/World-Nuclear-Industry-Status-Report-2024-1046> (accessed: 29.12.2025). — P. 114.

[2] Dalton D. Hanhikivi-1 Construction Start Scheduled for 2020, Says Finland's Fennovoima // NucNet. — 2018. — 29 August. — URL: <https://www.nucnet.org/news/hanhikivi-1-construction-start-scheduled-for-2020-says-finland-s-fennovoima> (accessed: 29.12.2025).

было разорвано — несмотря на членство Турции в НАТО и давление со стороны западных партнёров. Это объясняется не столько величиной атомной доли, сколько общей внешнеполитической линией Анкары, ориентированной на балансирование между Западом и Востоком и на сохранение автономии в энергетической сфере. В турецком случае атомный проект не определяет двусторонние отношения с Россией, но встраивается в более широкую стратегию диверсификации партнёров и источников энергии, что повышает его устойчивость даже в условиях системного кризиса.

Отдельного рассмотрения требует группа стран Глобального Юга. Здесь проследить превращение атомных проектов в самостоятельный фактор политического влияния существенно сложнее, поскольку Россию со многими партнёрами уже связывали устойчивые отношения, сложившиеся задолго до начала ядерного сотрудничества. В таких условиях атомные контракты, как правило, не создают «с нуля» новое политическое сближение, а дополняют более широкий комплекс взаимодействия — военно-технический, торгово-экономический и дипломатический — не задавая его общую логику.

Эффект таких проектов продуктивно описывать в терминах теории комплексной взаимозависимости, разработанной Р. Кеохейном и Дж. Наем. В рамках этого подхода взаимозависимость понимается не как прямой рычаг давления, а как система устойчивых связей, повышающих стоимость разрыва сотрудничества для всех сторон. Зарубежные атомные проекты формируют именно такую сеть связей — через долгосрочные контракты, кооперацию в топливном цикле, техническое обслуживание, подготовку персонала и регулярные контакты профильных ведомств. Даже при ограниченном вкладе в энергобаланс они создают каналы взаимодействия, которые могут сохраняться независимо от краткосрочных политических колебаний. Вместе с тем, по логике Кеохейна и Наея, взаимозависимость не тождественна политическому влиянию. В ряде случаев (в

том числе у крупных держав) она повышает устойчивость рабочих отношений, но не способна существенно изменить стратегический курс или внешнеполитические предпочтения партнёров.

В целом проведённый анализ показывает, что зарубежные атомные проекты «Росатома» не могут рассматриваться как прямой и универсальный инструмент политического влияния. Их внешнеполитическое значение носит контекстуальный и опосредованный характер, определяемый ролью конкретной АЭС в энергобалансе принимающего государства и общей конфигурацией двусторонних отношений. Кризис после 2022 г. продемонстрировал, что такие проекты повышают стоимость разрыва сотрудничества, но не гарантируют политической лояльности партнёров: ядерная энергетика выступает скорее фактором устойчивости взаимодействия, чем инструментом принуждения.

#### В Ы В О Д

Проведённое исследование позволило выявить особенности и ограничения использования международной деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» в качестве инструмента внешней политики Российской Федерации. Анализ показал, что атомная энергетика в российской практике действительно выходит за рамки сугубо экономической или технологической сферы и функционирует как элемент более широкой внешнеполитической стратегии, однако её влияние носит опосредованный, контекстуальный и структурно ограниченный характер.

Институциональный статус «Росатома», сочетающий хозяйственные функции с публично-властными полномочиями, формирует уникальную модель взаимодействия государства и корпорации. В отличие от большинства государственных компаний, «Росатом» выступает уполномоченным субъектом государственного управления в атомной сфере, что позволяет интегрировать его зарубежную деятельность в систему внешнеполитического планирования и дипломатического сопровождения. Тем самым

создаётся институциональная основа для использования атомных проектов как канала долгосрочного международного взаимодействия.

Сопоставительный анализ проектов в Турции, Индии и Венгрии показал, что формы и последствия такого взаимодействия существенно варьируются в зависимости от контрактной модели, распределения рисков и роли конкретной АЭС в национальном энергобалансе принимающего государства. Модель ВОО в Турции концентрирует значительные финансовые и операционные риски на российской стороне, одновременно формируя длительную инфраструктурную и операционную связанность. Классические схемы ЕРС в Индии и Венгрии, напротив, ограничивают глубину зависимости партнёров, но сохраняют устойчивые кооперационные связи в сфере топлива, сервисного обслуживания и регулирования.

Кризис международных отношений после 2022 г. выступил своеобразным «стресс-тестом» для ранее сформированных режимов сотрудничества и позволил эмпирически проследить пределы их политической значимости. Анализ показал, что атомные проекты не обеспечивают автоматической политической лояльности и не могут рассматриваться как универсальный рычаг давления. Там, где доля атомной генерации критична для национальной электроэнергетики (как в Венгрии), проекты повышают стоимость разрыва сотрудничества и способствуют сохранению прагматического взаимодействия даже в условиях внешнеполитического кризиса. В случаях, когда вклад АЭС носит ограниченный характер, они оказываются уязвимыми к резкой политизации и могут быть свёрнуты без системных последствий для энергобаланса, что подтверждается опытом Финляндии.

Таким образом, международная деятельность ГК «Росатом» выступает не инструментом прямого внешнеполитического принуждения, а фактором устойчивости и инерционности двусторонних отношений. Её значение заключается в повышении пред-

сказуемости взаимодействия и увеличении издержек резкого разрыва сотрудничества, а не в формировании жёстких политических зависимостей. Это позволяет рассматривать атомную энергетику как элемент поддержания долгосрочного присутствия России в международных отношениях, пределы которого задаются структурой энергобалансов принимающих государств и общей конфигурацией их внешнеполитических приоритетов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? / А.М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 3 (46). — С. 27–37.
2. Жизнин С.З. Дипломатия в ядерной энергетике / С.З. Жизнин, В.М. Тимохов // Энергетическая политика. — 2017. — № 3. — С. 85–97.
3. Курашвили А.Ю. Правовые основы международного договорного сотрудничества Госкорпорации «Росатом» / А.Ю. Курашвили // Юридическая наука. — 2016. — № 4. — С. 60–65.
4. Миргород Д.А. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке / Д.А. Миргород, Е.Ф. Парубочая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 214–225.
5. Модникова С.Ю. Развитие энергетики в Индии. Перспективы сотрудничества с Россией по АЭС «Куданкулам» / С.Ю. Модникова, А.Р. Рева // Инновации и инвестиции. — 2016. — № 11. — С. 76–81.
6. Серегина А.А. Дипломатия мирного атома / А.А. Серегина // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 3. — С. 120–131.
7. Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации / М.Ф. Уткина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 72–79.

8. Szulecki K. Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine / K. Szulecki, I. Overland // *Nature Energy*. — 2023. — Vol. 8. — P. 413–421.
9. Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // *Nuclear Power* / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 215–238.
10. Prontera A. Beyond the EU regulatory state: Energy security and the Eurasian gas market / A. Prontera. — Colchester : ECPR Press, 2019.
11. Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 317 p.
12. Labelle M.C. Energy as a weapon of war: Lessons from 50 years of energy interdependence / M.C. Labelle // *Global Policy*. — 2023. — Vol. 14. — No. 3. — P. 531–547.
13. Siddi M. Theorising conflict and cooperation in EU–Russia energy relations: Ideas, identities and material factors in the Nord Stream 2 debate / M. Siddi // *East European Politics*. — 2020. — Vol. 36. — No. 4. — P. 544–563.
14. Keohane R.O. Power and interdependence / R.O. Keohane, J.S. Nye. — New York ; London : Longman, 2001. — 334 p.
15. Krasner S.D. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables / S.D. Krasner // *International Organization*. — 1982. — Vol. 36. — No. 2. — P. 497–510.
16. Morokhov I. The first atomic power station and international co-operation in the peaceful uses of atomic energy / I. Morokhov // *International Atomic Energy Agency Bulletin*. — 1974. — Vol. 16. — No. 3. — P. 45–56.
17. Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // *Nuclear Power* / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — pp. 215–238.
18. Keohane R.O. Power and interdependence / R.O. Keohane, J.S. Nye. — New York ; London : Longman, 2001. — 334 p.
19. Krasner S.D. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables / S.D. Krasner // *International Organization*. — 1982. — Vol. 36. — No. 2. — pp. 497–510.
20. Kurashvili A.Yu. Pravovye osnovy mezhdunarodnogo dogovornogo sotrudnichestva Goskorporacii «Rosatom» [Legal Foundations of International Treaty Cooperation of the State Corporation Rosatom] / A.Yu. Kurashvili // *Yuridicheskaya nauka*. — 2016. — № 4. — pp. 60–65.
21. Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 317 p.
22. Labelle M.C. Energy as a weapon of war: Lessons from 50 years of energy interdependence / M.S. Labelle // *Global Policy*. — 2023. — Vol. 14. — No. 3. — pp. 531–547.
23. Mirgorod D.A. Atomnaya energetika kak instrument vneshnej politiki Rossii na Blizhnem Vostoke [Nuclear Energy as an Instrument of Russia's Foreign Policy in the Middle East] / D.A. Mirgorod, E.F. Parubochaya // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2023. — T. 28. — № 2. — pp. 214–225.
24. Modnikova S.Yu. Razvitie energetiki v Indii. Perspektivy sotrudnichestva s Rossiej po AES «Kudankulam» [Energy Development in India. Prospects for Cooperation with Russia on the Kudankulam NPP] / S.Yu. Modnikova, A.R. Reva // *Innovacii i investicii*. — 2016. — № 11. — pp. 76–81.
25. Morokhov I. The first atomic power station and international co-operation in the peaceful uses of atomic energy /

#### R E F E R E N C E S

1. Bobylo A.M. Mirnyj atom kak instrument «myagkoj sily» Rossii za rubezhom: mif ili real'nost'? [Peaceful Atom as an Instrument of Russia's "Soft Power" Abroad: Myth or Reality?] / A.M. Bobylo // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. — 2018. — № 3 (46). — pp. 27–

- I. Morokhov // International Atomic Energy Agency Bulletin. — 1974. — Vol. 16. — No. 3. — pp. 45–56.
11. Prontera A. Beyond the EU regulatory state: Energy security and the Eurasian gas market / A. Prontera. — Colchester : ECPR Press, 2019.
12. Seregina A.A. Diplomatiya mirnogo atoma [Diplomacy of the Peaceful Atom] / A.A. Seregina // Geoekonomika energetiki. — 2023. — № 3. — pp. 120–131.
13. Siddi M. Theorising conflict and cooperation in EU–Russia energy relations: Ideas, identities and material factors in the Nord Stream 2 debate / M. Siddi // East European Politics. — 2020. — Vol. 36. — No. 4. — pp. 544–563.
14. Szulecki K. Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine / K. Szulecki, I. Overland // Nature Energy. — 2023. — Vol. 8. — pp. 413–421.
15. Utkina M.F. Gosudarstvennaya korporaciya «Rosatom» kak instrument realizacii vneshnepoliticheskoj strategii Rossijskoj Federacii [The State Corporation Rosatom as an Instrument for Implementing the Foreign Policy Strategy of the Russian Federation] / M.F. Utkina // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 3 (41). — pp. 72–79.
16. Zhiznin S.Z. Diplomatiya v yadernoj energetike [Diplomacy in Nuclear Energy] / S.Z. Zhiznin, V.M. Timohov // Energeticheskaya politika. — 2017. — № 3. — pp. 85–97.

# Оценка роли России как актора интеграционных процессов БРИКС

Мышанский Виктор Андреевич

ФГАУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,  
Политические науки и регионоведение, 2 курс  
117198, Москва, улица Миклухо-Маклая, 6

## РЕЗЮМЕ

Саммит глав государств-участниц БРИКС, который прошел в Казани в 2024 г., стал одним из самых масштабных мероприятий за всю историю объединения. Благодаря широкому кругу гостей из различных регионов мира он явным образом поспособствовал укреплению авторитета БРИКС как одного из наиболее инклюзивных и одновременно влиятельных межгосударственных форматов. При этом активным участием российская сторона отмечалась не только в последние годы, но и на всех этапах становления объединения. Таким образом, цель данной работы — оценка роли России в развитии интеграционных процессов БРИКС. В статье приводится хронологический анализ, направленный на выявление степени влияния российской стороны на инициирование, разработку и поддержку ключевых решений, оказавших значительное влияние на формирование БРИКС как на одно из наиболее перспективных сегодня международных объединений. Участие России в создании и принятии основных положений, регламентирующих деятельность ключевых органов и механизмов БРИКС, было охарактеризовано как фундаментальное. На основе ана-

лиза материалов средств массовой информации, научных публикаций, нормативных документов, а также заявлений официальных представителей стран-участниц БРИКС, было установлено, что Россия на текущий момент продолжает играть ключевую роль в актуальных интеграционных процессах объединения. В данной статье также, на основании информации, полученной в ходе хронологического анализа, а также анализа дополнительных материалов из открытых источников, была произведена оценка влияния актуальных инициатив, продвигаемых или поддерживаемых российской стороной, на дальнейшие перспективы развития БРИКС. На основании полученных данных сделан вывод о том, что проводимая российским руководством политика в отношении углубления взаимодействия внутри объединения, вероятнее всего, станет одним из факторов, влияющих на темпы его развития и будущее положение на мировой арене. Таким образом, был сформулирован итоговый вывод о высоком уровне влияния России на различных этапах становления и функционирования БРИКС, а также о её значительной роли в текущей динамике и грядущих перспективах развития и расширения.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

БРИКС, Россия, интеграционные процессы, международное сотрудничество, расширение БРИКС, инициативы России, перспективы БРИКС.

Для связи с автором: [viktormyshansky@gmail.com](mailto:viktormyshansky@gmail.com)

# Assessment of Russia's Role as an Actor in BRICS Integration Processes

Viktor A. Myshanskiy

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia,  
Political Science and Regional Studies, 2nd Year  
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya Street, 6

---

## ABSTRACT

The BRICS Heads of State Summit held in Kazan in 2024 was one of the most large-scale events in the history of the association. Thanks to a wide range of guests from different regions of the world, it clearly contributed to strengthening BRICS' authority as one of the most inclusive and influential interstate formats. At the same time, the Russian side has been noted for its active participation not only in recent years, but also at all stages of the association's formation. The purpose of this paper is to assess Russia's role in the development of BRICS integration processes. The article provides a chronological analysis aimed at identifying the degree of influence of the Russian side in initiating, developing and supporting key decisions that had a significant impact on the formation of BRICS as one of the most promising international associations today. Russia's participation in the creation and adoption of the main provisions

governing the activities of the key BRICS bodies and mechanisms was characterized as fundamental. Based on the analysis of media materials, scientific publications, normative documents, as well as statements by officials of the BRICS member states, it was established that Russia continues to play a key role in the current integration processes of the association. This article also assesses the impact of current initiatives promoted or supported by the Russian side on the future prospects of BRICS development. The analysis demonstrates that Russia's policy of deepening interaction within the association is likely to become one of the factors affecting the pace of its development and its future position on the global stage. Thus, the final conclusion is that Russia's influence at various stages of BRICS' development and functioning is high, and that it plays a significant role in the current dynamics and future prospects of development and expansion.

## KEYWORDS

BRICS, Russia, integration processes, international cooperation, BRICS expansion, Russia's initiatives, BRICS prospects.

## ВВЕДЕНИЕ

БРИКС — одно из наиболее влиятельных неформальных межгосударственных объединений, сплотившее под своей эгидой игроков из числа интенсивно развивающихся стран. Первоначально основанное на партнерском диалоге таких стран, как Бразилия, Индия, Китай и Россия (БРИК), сегодня данное объединение представляет собой площадку, открытую для равноправного сотрудничества государств, основанную на принципах независимости от международно-политической повестки. Как крупнейшая межгосударственная площадка, находящаяся за рамками «Группы семи» (Великобритании, США, Канады, Германии, Италии, Франции и Японии, а также Европейского союза), это объединение становится все более привлекательным инструментом глобальной экономической интеграции для все большего числа потенциальных участников. За время своего существования БРИКС претерпел несколько фаз расширения состава стран-участниц. На данный момент при рассмотрении можно выделить три основных этапа развития объединения:

1. Этап первоначального организационного оформления объединения (2006-2009 гг.) Формат БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай).

2. Первая волна расширения. Присоединение к работе объединения ЮАР. Образование институтов на платформе БРИКС.

3. Вторая волна расширения. БРИКС плюс. Присоединение к работе объединения Ирана, Египта, Эфиопии, ОАЭ и Индонезии.

Официально выделяются две основные формы участия в деятельности БРИКС: полноправное членство, с возложением на государство равноценной части общих обязанностей по поддержанию работы институций в рамках объединения, и участие на правах партнера. В связи с официальным утверждением в конце 2024 г. второй формы участия в работе БРИКС, можно также говорить о потенциально возможной третьей волне расширения, включающей в себя также момент увеличения его влияния за счет стран,

не входящих в число полноправных членов.

На каждом из описанных выше этапов развития Россия принимала активное участие, оказывая на официальном уровне поддержку инициативам по расширению сотрудничества между странами-участницами и партнерами объединения в различных сферах через платформу БРИКС. Сегодня, в условиях сложной международно-политической обстановки, интенсификация взаимодействия в рамках объединения обеспечивает для России стабильность в контексте репрезентации национальной позиции по ключевым для нее вопросам на мировом уровне, а также позволяет укреплять свои позиции как проводника глобальных процессов, способствующего вовлечению в них все большего числа новых участников. Исходя из вышеописанного, мы можем сделать вывод о существенной заинтересованности и активном участии России в интеграционных процессах БРИКС, что в дальнейшем, вероятно, будет также способствовать и расширению списка участников и партнеров объединения. Соответственно, целью нашей работы является оценка роли России в развитии интеграционных процессов БРИКС. Исходя из поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Охарактеризовать роль России в принятии структурных положений, регламентирующих интеграционные процессы в рамках БРИКС.

2. Проанализировать инициативы, исходящие от российской стороны и поддерживаемые ею, по углублению интеграции и расширению состава стран, осуществляющих взаимодействие в рамках БРИКС.

3. Определить степень влияния актуальных инициатив, исходящих от российской стороны и главным образом ею поддерживаемых, на перспективы дальнейшего развития объединения.

В настоящий момент тема интеграционных процессов в БРИКС, их развития и перспектив была и остается широко освещаемой в научных публикациях.

Так, в работе И. Г. Дежиной и Т. Гареева (2024)<sup>[1]</sup> освещены вопросы интенсификации сотрудничества между странами объединения в технологических отраслях, прежде всего в сферах производства микроэлектроники (относимой к категории полупроводников) и медицинского оборудования. Сравнительный анализ потенциала расширения и институционального развития БРИКС, в контексте конкурентоспособности объединения во втором десятилетии XXI в. по отношению к ШОС, как схожей по своим целям организации, проводят в своем исследовании А. О. Виноградов и А. Салицкий (2018)<sup>[2]</sup>. В статье Я. Д. Лисоволика (2023)<sup>[3]</sup> обозначаются конкретные подходы к углублению интеграции между странами-участницами БРИКС, в частности, затрагиваются вопросы развертывания инфраструктуры, делающей объединение более привлекательным и конкурентоспособным в современном мире. В статье Е. Араповой (2019)<sup>[4]</sup> рассматриваются общие подходы к расширению состава стран-участниц БРИКС, а также осуществляется интерпретирование российского видения интеграции государств в коллективного сотрудничества объединения. Некоторые авторы, как, например, О. Е. Гришин и А. С. Духарева (2017)<sup>[5]</sup> в совместной работе, рассуждая о взаимоотношениях России с другими государствами, входящими в объединение, указывают на значимость кризисного фактора в международно-политической обстановке, в контексте российской заинтересованности в сотрудничестве в формате БРИКС.

В то же время актуальным остается проведение оценки роли России в структурных интеграционных процессах объединения, с учетом комплексного рассмотрения исходящих от нее конкретных инициатив, ока-

завших влияние на развитие и расширение БРИКС, а также с учетом актуальных внешнеполитических реалий, что и формирует научную новизну и актуальность данной работы.

Для достижения вышеозначенной цели будут задействованы такие методы исследования, как анализ материалов средств массовой информации, научной информации по теме, структурных положений, заявлений официальных лиц, касающихся участия России в работе в рамках БРИКС, исходящих от нее инициатив, затрагивающих вопросы углубления интеграции в рамках объединения, а также изменения состава стран-участниц. Также в ходе исследования будет использован метод хронологического анализа для выявления изменений в ходе развития и расширения БРИКС, а также оценки уровня участия России в данных процессах на различных этапах.

#### ПОЭТАПНЫЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ В РАМКАХ БРИКС

Концепция российской инициативы в рамках разработки, согласования и принятия решений, направленных на расширение состава участников и партнеров БРИКС, а также на интенсификацию интеграционных процессов в его рамках берет свою точку отсчета вместе с началом существования самого объединения, когда «на полях» саммита Генассамблеи ООН в 2006 г. началось взаимодействие глав МИД Бразилии, России, Индии и Китая в рамках четырехстороннего партнерства. Озвученное ранее как теоретическая концепция британским экономистом Джимом О'Нилом<sup>[6]</sup>, объединение в тот момент начало функционировать по инициативе российского президента В. В. Путина. Окончательно его можно считать

[1] Дежина И. Россия и новые страны БРИКС: перспективы технологической кооперации / И. Дежина, Т. Гареев // Мировая экономика и международные отношения — 2024. — Т. 68. — №9. — С. 113-124.  
[2] Виноградов А.О. БРИКС: на пути к партнерству / А.О. Виноградов, А.И. Салицкий // Перспективы — 2018. — № 1 (13). — С. 21-26.  
[3] Лисоволик Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении / Я.Д. Лисоволик // Международная аналитика — 2023. — №14(1). — С. 138-148.  
[4] Арапова Е.А. «Интеграция интеграций» и перспективы БРИКС+ / Е.А. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 4. — С. 5-13.  
[5] Гришин О.Е. Россия в БРИКС: некоторые тенденции и перспективы развития / О.Е. Гришин, А.С. Духарева // Проблемы постсоветского пространства — 2017. — №4(1). — С. 41-48.  
[6] История БРИКС // НКИ БРИКС — 2025. — URL: <https://nkibrics.ru/pages/history-brics> (дата обращения: 18.04.2025).

обретшим форму к 2009 г., когда состоялся первый очный саммит глав стран-участниц БРИК. Его проведение последовало за встречами лидеров России, Китая, Бразилии и Индии в Москве, в мае того же года. Саммит был организован на так же российской площадке в Екатеринбурге. В ходе него была впервые поднята тема создания единой резервной валюты для торговли в рамках объединения, что имело ощутимую поддержку с российской стороны. Вышеозначенный период для объединения можно обозначить как этап первоначального организационного оформления объединения<sup>[1]</sup>. Анализируя его, мы можем сделать вывод о крайне высокой заинтересованности российского руководства в образовании и оформлении БРИК. Более того, оценивая роль российских инициатив на данном этапе мы также можем определить их как ключевые в вопросах непосредственно создания клуба 2006 г. Официальная же позиция российского руководства по данному вопросу, закреплённая в «Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС» (2013)<sup>[2]</sup>, заключается в том, что само образование БРИК(С) было инициировано со стороны России.

Второй период, рассматриваемый при хронологическом изучении этапов развития объединения, характеризуется, в первую очередь, первым расширением списка его государств-участниц, произошедшим в 2010 г. в связи с приглашением ЮАР. В контексте рассмотрения заявленной тематики работы указанное расширение примечательно формированием процедуры присоединения новых стран к БРИКС, что стало важным шагом в сторону движения в векторе увеличения институционализации объединения. К тому же направлению мы можем также отнести последовавшие за расширением шаги по развитию инфраструктуры БРИКС и форми-

рованию (де-факто) организационных институций. Важнейшим действием на этом направлении стало создание Нового банка развития (НБР) — ключевого финансового органа объединения, ставшего основной институцией, отвечающей за поддержку инфраструктурных проектов, в которых принимают участие страны БРИКС<sup>[3]</sup>.

Важной особенностью данного органа стало то, что, в отличие от самого объединения, НБР является структурой официальной, что соответственно наделяет его статусом полноправного субъекта международного права. Создание НБР было инициировано по результатам IV саммита глав государств-членов объединения, прошедшего в 2012 г. в Нью-Дели, посвященного, в том числе, вопросам антикризисного урегулирования и реформирования международных кредитно-финансовых структур. Этой тематике также было посвящено заявление Президента России Д.А. Медведева, ставшее самым освещаемым в СМИ событием в рамках мероприятия. Российская сторона последовательно поддерживала инициативу по формированию НБР на базе БРИКС, задекларированную по результатам нью-делийского саммита, вплоть до документального оформления создания данного органа в 2014 г. Еще одним институтом, официально сформированным под эгидой БРИКС в том же году, стал пул условных валютных резервов, задуманный как неформальная альтернатива МВФ (тема реформирования которого заложена, в частности, в официальные документы стран-участниц БРИКС как одна из целей их коллективной работы) для государств, входящих в объединение, и стран, с ним сотрудничающих, где страны участницы-объединения закрепляют за собой долевые валютные обязательства<sup>[4]</sup>. Инициатива по его созданию хотя и не принадлежала России, однако в то же

[1] История БРИКС // НКИ БРИКС — 2025. — URL: <https://nkibrics.ru/pages/history-brics> (дата обращения: 18.04.2025).

[2] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. Утверждена Президентом РФ. — 2013. // Президент России. Официальный сайт. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения 18.04.2024).

[3] Дарелов Г.А. Влияние нового банка развития БРИКС на экономическое развитие стран БРИКС / Г.А. Дарелов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2016. — №4. — С. 156-164.

[4] Горбунова М.Л. Пулусловных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки — 2017. — №4(48). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pul-uslovnyh-valyutnyh-rezervov-briks-v-sisteme-rezhimov-mnogostoronnegо-upravleniyamirovymi-finansami> (дата обращения: 18.04.2025).

время была ею активно поддержана.

Анализируя на данном этапе роль России в интеграционных процессах объединения, мы можем сделать вывод о том, что развитие БРИКС происходило в общем соответствии с публично декларируемым видением российского руководства, вследствие чего мы можем наблюдать активную поддержку коллективных решений в рамках саммитов объединения со стороны России, без внесения ею существенных корректив в инициативы, одобряемые большинством стран-участниц БРИКС. В контексте создания НБР как официальной международной структуры с российской стороны не последовало каких-либо публичных контекстуально значимых корректировок, а также уточняющих коллективную позицию стран-участниц объединения заявлений, помимо ратификации Федеральным Собранием в 2015 г. «Соглашения о Новом банке развития» (2014)<sup>[1]</sup>. Важно отметить также тот факт, что интенсификация взаимодействия России в рамках БРИКС наблюдается в 2014-15 гг., когда активное сотрудничество в объединении стран, не входящих в сферу доминирования «Группы семи», со стороны государств-членов которой в 2014 г. были введены санкции против России, стало, с одной стороны, способом демонстрации заявленной концепции многовекторности в рамках внешнеполитической стратегии, а с другой, способом диверсифицировать торговые отношения, ориентируясь на игроков, входящих в вышеозначенную категорию<sup>[2]</sup>. Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что интенсификация институционального оформления БРИКС в 2014-2015 гг. во многом связана с увеличением заинтересованности российского руководства в углублении сотрудничества со странами-участницами объединения<sup>[3],[4]</sup>.

В период с 2016 по 2022 гг. мы можем

наблюдать снижение интенсивности в процессах углубления интеграционного процесса между странами БРИКС посредством институционального развития, однако вместе с этим в 2017 г. по инициативе Китая произошло оформление формата «БРИКС плюс» — неформальной категории государств, выражающих стремление к увеличению интеграции со странами объединения, а в конечном счете, ко вступлению в него. При этом в трактовке, изложенной на IX саммите БРИКС в китайском Сямэне (2017) министром иностранных дел КНР Ван И, данная инициатива не предполагала изначально непосредственного перехода к функционированию самого объединения в расширенном формате, а лишь открывала доступ для круга стран к инфраструктурной и деловой платформе БРИКС. Это стало первым шагом ко второй, самой крупной волне расширения списка стран-участниц объединения с момента его создания. На тот момент в ходе принятия решений по данному вопросу российская сторона поддержала китайский проект по привлечению новых стран к взаимодействию в расширенном формате на ежегодной площадке саммита глав государств-членов БРИКС. Крупнейшим пакетом инициатив, исходящих со стороны России, в указанный выше период стали инициативы в технологической сфере, представленные уже на XI саммите БРИКС (2019). Предложения российской стороны включали в себя: инициативы по развитию цифровой платформы глобальной сети научно-исследовательских инфраструктур, формированию цифровой платформы БРИКС для сообщения ученых-физиков, специализирующихся в сфере фотоники, созданию сетевого центра материаловедения и нано-технологий стран БРИКС. Также с ее стороны поступило предложение по использованию российских

[1] Федеральный закон «О ратификации Соглашения о Новом банке развития» от 08 марта 2015 № 29-ФЗ // Президент России. Официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39460> (дата обращения 18.04.2024).

[2] Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / В.А. Садовничий, А.А. Акаев, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков // Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология науки и образования» — М.: Издательский Дом «Наука», 2014. — (Экономика и социология науки и образования). — С. 113-249.

[3] Киреев А.А. Роль России в группе БРИКС / А.А. Киреев // Теория и практика общественного развития — 2015. — №12. — С. 250-252.

[4] Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами / М.В. Ларионова // Вестник международных организаций — 2016. — Т. 11. — № 2. — С. 113-139.

научно-исследовательских судов и судов стран-участниц объединения с целью реализации совместных проектов в рамках экспедиций стран на территории арктического и антарктического заполярья<sup>[1]</sup>. Однако в то же время нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на заявления остальных государств-членов БРИКС о поддержке российского пакета инициатив, полная его реализация на сегодняшний день все так же остается вопросом, лежащим в перспективе. Описанный выше период скорее можно отнести к третьему этапу развития и расширения БРИКС, однако в то же время немаловажным стоит отметить снижение активности в интеграционных процессах в рамках объединения. Вследствие этого мы имеем основания рассматривать его обособленно от интенсификации отношений с 2023 г., связанной с возобновлением процесса расширения организации. Таким образом, данный период можно охарактеризовать, в первую очередь, как этап наименьшей интенсивности интеграционных процессов. Российская политика в отношении взаимодействия в рамках объединения в данный период была крайне согласованной с коллективной практикой<sup>[2]</sup>. Более того, количество инициатив, исходящих непосредственно от России, начало сокращаться в период после 2016 г., а интенсификация, происходившая в 2019 г., носила скорее ситуативный характер. В то же время российская сторона активизировала взаимодействие на европейском треке, реализуя ряд инфраструктурных и экономических проектов в партнерстве со странами ЕС. Этот фактор во многом может послужить объяснением временного переориентирования приоритетов во внешней политике России в указанный период.

Следующим эпизодом, который необхо-

димо выделить в описываемом контексте, является непосредственно акт второго расширения БРИКС. К нему главным образом следует отнести увеличение состава стран участниц объединения в 2024-2025 гг., а также оформление новой категории участия государств — партнеров БРИКС. Официально расширение постоянного состава стран-участниц объединения произошло 1 января 2024 г., когда Иран, Египет, Эфиопия и ОАЭ обрели соответствующий статус. Однако оформление данного процесса шло крайне постепенно. В данном контексте считаем возможным повторно упомянуть саммит глав государств-членов БРИКС Сямэнь-2017, который впервые прошел в формате БРИКС+. Именно он ознаменовал начало работы над расширением списка стран-участниц. С 2017 по 2022 гг. на каждом из саммитов объединения были представлены государства, относящиеся к категории так называемых «друзей БРИКС». Иначе говоря, публичных игроков, выразивших намерение углубить экономическую интеграцию со странами-участницами объединения<sup>[3]</sup>. Непосредственным началом процесса второго расширения БРИКС принято считать заявление министра иностранных дел КНР Ван И, сделанное в ходе саммита глав МИД весной 2022 года. В нем был озвучен призыв начать процесс расширения состава стран-участниц объединения<sup>[4]</sup>.

Наибольшей интенсивности переговорный процесс по теме достиг летом 2023 г., когда после подачи большого числа заявок на присоединение к БРИКС со стороны заинтересованных государств, в преддверии встречи лидеров стран объединения, началось активное обсуждение порядка вступления новых игроков и формат дальнейшего взаимодействия в обновленном составе.

[1] Олейник Г.В. Национальные интересы БРИКС в сфере научно-технологического сотрудничества / Г.В. Олейник // Российский внешнеэкономический вестник — 2023. — №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-briks-v-sfere-nauchno-tehnologicheskogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 18.04.2025).  
[2] Арапова Е.А. “Интеграция интеграций” и перспективы БРИКС+ / Е.А. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 4. — С. 5-13.  
[3] Что известно о БРИКС и этапах расширения этого объединения // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) — 2024. — URL: <https://tass.ru/info/18558683?ysclid=m9kfl5hn65483184039> (дата обращения 18.04.2025).  
[4] Кондратьева В. Китай предложил расширить БРИКС / В. Кондратьева // Lenta.Ru (Лента.Ру) — 2022. — URL: [https://lenta.ru/news/2022/05/19/briks\\_overextension/](https://lenta.ru/news/2022/05/19/briks_overextension/) (дата обращения 18.04.2025).

Окончательное решение по вопросу было принято в ходе саммита глав государств-членов БРИКС в Йоханнесбурге в августе. Было согласовано расширение состава стран до двенадцати участников, однако позже общее количество сократилось до девяти (от вступления отказались неформально Саудовская Аравия и официально Аргентина)<sup>[1]</sup>. Данное расширение было поддержано со стороны российского руководства, однако в то же время нельзя не отметить тот факт, что Москва настаивала на формализации процедур расширения и создании устойчивого механизма присоединения новых государств-членов<sup>[2]</sup>. Данное решение явно способствовало наращиванию географии присутствия БРИКС и, как следствие, расширению дипломатических связей стран-участниц объединения, не задействуя при этом межгосударственные институты с преобладающим влиянием «Группы семи». Для России это сыграло существенную роль в политике по преодолению действий игроков, входящих в клуб G7, направленных на ограничение ее возможностей в международном взаимодействии.

Как наиболее масштабный акт непосредственно российского участия в рамках работы объединения можно выделить организацию саммита глав государств-членов в Казани в 2024 г.<sup>[3]</sup> Мероприятие было проведено с привлечением представителей стран, не входящих в БРИКС, а также при участии Генерального секретаря ООН Антониу Гутерреша. Для России этот саммит стал акцией использования мягкой силы с целью укрепления собственного международно-политического авторитета<sup>[4]</sup>. Однако в то же

время проведение столь масштабного мероприятия поспособствовало укреплению авторитета непосредственно самого БРИКС.

На следующем этапе расширения состава стран-участниц объединения можно выделить два события: создание в конце 2024 г. новой категории стран, участвующих в работе БРИКС, так называемых стран-партнеров, а также присоединение в самом начале 2025 г. Индонезии как полноправного государства-члена<sup>[5],[6]</sup>.

Анализируя участие России в интеграционных процессах 2024-25 гг., мы можем сделать вывод о том, что интенсификация взаимодействия в работе объединения в указанное время связана главным образом с соответствием этих преобразований интересам руководства страны. В то же время стоит отметить то, что подобная активизация работы в БРИКС имеет характер периодической, во многом являясь отложенным во времени развитием курса на расширение объединения и его институциональное развитие, имевшего место в 2012-2016 гг.<sup>[7]</sup>.

Исходя из данных, полученных в ходе хронологического анализа модели участия России в БРИКС, мы можем сделать вывод о том, что интенсификация взаимодействия на платформе объединения наступала в моменты кризиса в многосторонних отношениях на евроатлантическом треке. Таким образом, для самой России БРИКС является зачастую инструментом преодоления кризисных ситуаций в ходе проведения внешней политики. Однако в то же время необходимо отметить тот факт, что крупнейшие этапы расширения и структурного развития объединения происходили именно в периоды активизации

[1] Лагутина М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС / М.Л. Лагутина // Международная аналитика — 2022 — 13(1). — С. 66-82

[2] Агоннуде Б.В.Ф. Перспективы расширения БРИКС / Б.В.Ф. Агоннуде // Международная жизнь — 2023. — №4. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2813?ysclid=m91u7xim4a488294427> (дата обращения 18.04.2025).

[3] Беликова К.М., Игнатов А.А. БРИКС: достижения и перспективы / К.М. Беликова, А.А. Игнатов // Международный аспект — 2023. — 4(1). — С. 4-11.

[4] Антонов А.И. Россия и партнеры: приоритеты председательства в БРИКС / А.И. Антонов // Российский совет по международным делам (РСМД) — 2024. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-partnery-priority-predsedatelstva-v-briks/?ysclid=m920aex1y949365247> (дата обращения 18.04.2025).

[5] Соловьева Д. Индонезия стала полноправным членом БРИКС / Д. Соловьева // Сетевое издание «Коммерсантъ» — 2025. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7421966> (дата обращения 18.04.2025).

[6] Сообщение для СМИ «О государствах-партнерах БРИКС» от 27 декабря 2024 // Пресс-служба Министерства иностранных дел Российской Федерации. — URL: [https://mid.ru/ru/foreign\\_policy/news/1989548/](https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989548/) (дата обращения 18.04.2025).

[7] Окунева Л.С., Арапова Е.Я. Позиционирование объединения БРИКС в новой системе международных отношений (материалы круглого стола в МГИМО) / Л.С. Окунева, Е.Я. Арапова // Международная аналитика — 2017. — №3. — С. 66-87.

российского участия. Таким образом, принимая во внимание активное участие России на этапе формирования, принятия структурных документов, высокую инициативную активность в ходе принятия решений на ключевых этапах развития объединения, а также высокую степень влияния периодов интенсификации взаимодействия в интеграционных процессах на развитие и расширение БРИКС, мы можем сделать вывод о том, что российское участие являлось ключевым на всех этапах интеграции и развития в рамках объединения.

#### АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ПОДДЕРЖАННЫХ РОССИЕЙ ИНИЦИАТИВ НА ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ БРИКС

Россия стала одним из наиболее активных сторонников внедрения категории стран-партнеров БРИКС. Вероятным сценарием дальнейшего развития организации видится расширение списка стран, в нее входящих, ввиду отсутствия необходимости их глубокой интеграции в процесс принятия решений в рамках объединения, но в то же время достаточно легкого вовлечения в процессы взаимодействия в рамках БРИКС.

Активно поддерживаемый с российской стороны переход к созданию некоей единой валюты для расчетов внутри БРИКС видится маловероятным потому, что данная идея не пользуется популярностью среди остальных стран-участниц объединения, в том числе, среди таких крупных игроков, как Индия, Китай и ОАЭ, ввиду наличия существенной доли американского импорта и экспорта в их товарообороте<sup>[1]</sup>.

Наиболее вероятным сценарием развития российского участия в перспективе, исходя из текущей международно-политической обстановки, при учете сохранения статуса-кво в двусторонних отношениях со странами «Группы семи», будет углубление взаимодействия в рамках институциональных структур БРИКС, укрепление партнер-

ства в сфере культуры, а также поддержка инициатив по вовлечению новых участников в группу партнеров объединения.

Также стоит отметить возможность снижения активности России в рамках БРИКС. Вероятность этого выводится нами из проанализированного ранее опыта российского взаимодействия в рамках объединения. Такая перспектива возможна в случае стабилизации взаимоотношений на евроатлантическом треке, что дало бы возможность диверсифицировать России свое участие в работе различных организаций, участником которых она является. Это также существенно сказалось бы на протекании интеграционных процессов БРИКС, подтвердив ключевую значимость российского участия в работе объединения.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя хронологический анализ, мы можем охарактеризовать роль России в принятии структурных положений, в частности, регламентирующих интеграционные процессы в рамках БРИКС, как основополагающую. В период с 2006 по 2016 гг. основная масса реализованных проектов, направленных как на расширение списка стран-участниц, так и на всестороннее развитие объединения, были напрямую инициированы или имели активную поддержку со стороны российского руководства.

Исходя из материала, проанализированного в данной работе, мы можем сделать вывод о том, что российское участие в интеграционных процессах БРИКС являлось на протяжении всех рассмотренных этапов формирования и остается на сегодняшний день одним из факторов, определяющих облик и тенденции в развитии объединения.

Таким образом, основываясь на приведенном в данной работе анализе перспектив БРИКС, мы можем заключить, что степень российского участия во многом будет являться фактором, определяющим темпы его развития.

[1] Лисоволик Я.Д. Резервная валюта БРИКС: пути формирования / Я.Д. Лисоволик // НКИ БРИКС — 2022. — URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/63735f5062726945fa750000> (дата обращения 18.04.2025)

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агоннуде Б.В.Ф. Перспективы расширения БРИКС / Б.В.Ф. Агоннуде // Международная жизнь. — 2023. — №4. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2813?ysclid=m91u7xim4a488294427> (дата обращения: 18.04.2025)

2. Арапова Е.А. "Интеграция интеграций" и перспективы БРИКС+ / Е.А. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 4. — С. 5-13

3. Беликова К.М. БРИКС: достижения и перспективы / К.М. Беликова, А.А. Игнатов // Международный аспект — 2023. — 4(1). — С. 4-11.

4. Виноградов А.О. БРИКС: на пути к партнерству / А.О. Виноградов, А.И. Салицкий // Перспективы — 2018. — № 1 (13). — С. 21–26.

5. Горбунова М.Л. Пул условных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами / М.Л. Горбунова, Е.Ю. Ливанова, Н.К. Елизарова, В.Н. Овчинников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки — 2017. — №4(48). — С. 7-18.

6. Гришин О.Е. Россия в БРИКС: некоторые тенденции и перспективы развития / О.Е. Гришин, А.С. Духарева // Проблемы постсоветского пространства — 2017. — №4(1). — С. 41-48.

7. Дарелов Г.А. Влияние нового банка развития БРИКС на экономическое развитие стран БРИКС / Г.А. Дарелов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2016. — №4. — С. 156-164.

8. Дежина И. Россия и новые страны БРИКС: перспективы технологической кооперации / И. Дежина, Т. Гареев // Мировая экономика и международные отношения — 2024. — Т. 68. — №9. — С. 113-124.

9. Киреев А.А. Роль России в группе БРИКС / А.А. Киреев // Теория и практика общественного развития — 2015. — №12. — С. 250-252.

10. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / В.А. Садовничий, А.А. Акаев, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков // Научный

совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология науки и образования». — М.: Издательский Дом «Наука», 2014. — (Экономика и социология науки и образования). — 382 с.

11. Лагутина М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС / М.Л. Лагутина // Международная аналитика — 2022 — 13(1). — С. 66-82.

12. Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами / М.В. Ларионова // Вестник международных организаций — 2016. — Т. 11. — № 2. — С. 113–139.

13. Лисоволик Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении / Я.Д. Лисоволик // Международная аналитика — 2023. №14(1). — С. 138-148

14. Окунева Л.С. Позиционирование объединения БРИКС в новой системе международных отношений (материалы круглого стола в МГИМО) / Л.С. Окунева, Е.Я. Арапова // Международная аналитика — 2017. — №3. — С. 66-87.

15. Олейник Г.В. Национальные интересы БРИКС в сфере научно-технологического сотрудничества / Г.В. Олейник // Российский внешнеэкономический вестник — 2023. — №3. — С. 29-40.

## REFERENCES

1. Agonnude B.V.F. Perspektivy rasshireniya BRIKS [Prospects for expanding the membership of BRICS] / B.V.F. Agonnude // Mezhdunarodnaya zhizn' [International affairs] — 2023. — №4. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2813?ysclid=m91u7xim4a488294427> (accessed 18.04.2025)

2. Arapova E.A. "Integraciya integracij" i perspektivy BRIKS+ ["Integration of Integrations" and Prospects of BRICS+] / E.A. Arapova // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations] — 2019. — Vol. 63. — №4 — P. 5-13

3. Belikova K.M. BRIKS: dostizheniya i perspektivy [BRICS: Achievements and Prospects] / K.M. Belikova, A.A. Ignatov // Mezhdunarodnyj aspekt [International Aspect] — 2023. — 4(1) — P. 4-11.

4. Darelov G.A. Vliyanie novogo banka razvitiya BRIKS na ekonomicheskoe razvitie stran BRIKS [Influence of the New BRICS Development Bank on The Economic Development of the BRICS Countries] / G.A. Darelov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of the Tomsk State University. Economics]. — 2016. — No. 4. — P. 156-16.
5. Dezhina I. Rossiya i novye strany BRIKS: perspektivy tekhnologicheskoy kooperacii [Russia and New BRICS Countries: Prospects for Technological Cooperation] / I. Dezhina, T. Gareev // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations] — 2024. — Vol. 68. — №9. — P. 113-124.
6. Gorbunova M.L. Pul uslovnnyh valyutnyh rezervov BRIKS v sisteme rezhimov mnogostoronnego upravleniya mirovymi finansami [BRICS Contingent Reserve Pool in the System of Multilateral Regimes of Global Finance Management] / M.L. Gorbunova, E.Yu. Livanova, N.K. Elizarova, V.N. Ovchinnikov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences] — 2017. — №4(48). — P. 7-18.
7. Grishin O.E. Rossiya v BRIKS: nekotorye tendencii i perspektivy razvitiya [Russia in BRICS: some trends and prospects] / O.E. Grishin, A.S. Dukhareva // Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Issues]. — 2017. — №4(1). — P. 41-48.
8. Kireev A.A. Rol' Rossii v gruppe BRIKS [The role of Russia in the BRICS group] / A.A. Kireev // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development] — 2015. — №12. — P. 250-252.
9. Kompleksnoe modelirovanie i prognozirovanie razvitiya stran BRIKS v kontekste mirovoj dinamiki / V.A. Sadovnichij, A.A. Akaev, A.V. Korotaev, S.YU. Malkov // Nauchnyj sovet po Programme fund. issled. Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk «Ekonomika i sociologiya nauki i obrazovaniya» [Scientific Council for the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences «Economics and Sociology of Science and Education» — M.: Izdatel'skij Dom «Nauka» [Publishing House «Science»]. — 2014. — (Ekonomika i sociologiya nauki i obrazovaniya) [Economics and sociology of science and education] — P. 113-249.
10. Lagutina M.L. Regional dimension of cooperation of BRICS countries [Regional Dimensions of BRICS Cooperation] / M.L. Lagutina // Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics] — 2022 — 13(1). — P. 66-82.
11. Larionova M.V. Rossijskoe predsedatel'stvov BRIKS: modelivzaimodejstviya s mezhdunarodnymi institutami [Russia's BRICS Presidency: Models of Interaction with International Institutions] / M.V. Larionova // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal] — 2016. — Vol. 11. — № 2. — P. 113-139.
12. Lissovolik Ya.D. BRIKS+ kak novaya sila v global'nom upravlenii [BRICS-Plus: the New Force in Global Governance] / Ya.D. Lissovolik // Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics] — 2023. №14(1). — P. 138-148.
13. Okuneva L.S. Pozicionirovanie ob»edineniya BRIKS v novoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij (materialy kruglogo stola v MGIMO) [Positioning the BRICS Association in the New System of International Relations (Proceedings of roundtable discussion at MGIMO-University)] / L.S. Okuneva, E.Ya. Arapova // Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics] — 2017. — №3. — P. 66-87.
14. Olejnik G.V. Nacional'nye interesy BRIKS v sfere nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva [National interests of BRICS in the sphere of scientific and technological cooperation] / G.V. Olejnik // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin] — 2023. — №3. — P. 29-40.
15. Vinogradov A.O., Salickij A.I. BRIKS: na puti k partnerstvu [BRICS: Towards Partnership] / A.O. Vinogradov, A.I. Salickij // Perspektivy [Prospects] — 2018. — № 1 (13). — P. 21-26.

# Трёхсторонняя инициатива Алжир–Ливия–Тунис: перспективы интеграции и возможности для России

Маслаков Игорь Вячеславович  
МГИМО МИД России,  
Факультет международных отношений, 4 курс  
19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

## РЕЗЮМЕ

В настоящее время наблюдается возвращение стремления африканских стран к региональной и трансрегиональной интеграции. Это применимо в том числе и к странам арабского Магриба, к которым относят государства–участники существующей с 1989 г. интеграционной группировки Союз Арабского Магриба (САМ). Данное объединение, однако, мало способствует экономическому росту в этих странах вследствие его крайней пассивности. Представляется логичным, что создание новых интеграци-

онных проектов и развитие экономического сотрудничества позволит североафриканским странам достичь поставленных задач. В ответ на низкую активность САМ, экономический лидер региона, Алжирская Народная Демократическая Республика выступает с альтернативными проектами, направленными на сближение экономик и расширение регионального сотрудничества североафриканских стран. В данной статье речь пойдёт о межправительственном объединении Алжира, Ливии и Туниса и возможностях сотрудничества для России с данными странами.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Северная Африка, интеграция, Алжир, Ливия, Тунис, сотрудничество с Россией

Для связи с автором: [igrmasv@gmail.com](mailto:igrmasv@gmail.com)

# The Algeria-Libya-Tunisia Trilateral Initiative: Integration Prospects and Opportunities for Russia

Igor V. Maslakov

MGIMO University,

School of international relations, 4th Year

76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

---

## ABSTRACT

Currently, there is a return of the aspirations of African countries for regional and transregional integration. This applies, among other things, to the Arab Maghreb countries, which include the member States of the Arab Maghreb Union (AMU) integration grouping that has existed since 1989. This association, however, contributes little to economic growth in these countries due to its extreme passivity. It seems logical that the creation of new integration projects and the development of

economic cooperation will allow North African countries to achieve their goals. In response to the low level of activity, AMU, the economic leader of the region, the People's Democratic Republic of Algeria, is proposing alternative projects aimed at bringing economies closer together and expanding regional cooperation between North African countries. This article will focus on the intergovernmental association of Algeria, Libya and Tunisia and the opportunities for Russia to collaborate with the referred countries..

## KEYWORDS

North Africa, Integration, Algeria, Libya, Tunisia, cooperation with Russia

Для связи с автором: [igrmasv@gmail.com](mailto:igrmasv@gmail.com)

## ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена тем, что трёхсторонняя инициатива Алжир–Ливия–Тунис в настоящее время является наиболее действенным и эффективным экономическим и политическим объединением, способным потенциально заменить САМ в качестве главной организации стран Магриба.

Новизна исследования заключается в анализе формирующегося межправительственного объединения Алжира, Ливии и Туниса как организации экономического и политического сотрудничества.

Методологическая основа работы включает в себя две большие группы методов исследования: группа общенаучных и экономических методов исследования<sup>[1]</sup> и группа методов политического анализа<sup>[2]</sup>.

Цель научного исследования заключается в определении главных направлений деятельности трёхсторонней инициативы и выявлении сфер возможного сотрудничества с Россией.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих задач исследования:

1. Показать экономические стимулы интеграции в Северной Африке;
2. Продемонстрировать политические стимулы интеграции в Северной Африке;
3. Проследить развитие протоинтеграционного объединения;
4. Выявить основные направления сотрудничества трёхсторонней инициативы с Россией.

Объектом исследования является интеграция в Северной Африке.

Предметом исследования является трёхсторонняя инициатива Алжир–Ливия–Тунис.

Источниковую базу исследования составляют две основные группы источников. В первую группу источников вошла экономическая статистика международных статистических агентств. Во вторую группу источников вошли юридические акты и официальные документы органов исполнительной и законодательной власти североафриканских стран.

Историографическую базу составляют научные труды представителей отечественного и зарубежного востоковедения и африканистики.

Структура научной статьи включает в себя аннотацию, 4 раздела, а также список использованных источников и литературы.

## ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ И ДРАЙВЕРЫ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Помимо условной культурно–исторической идентичности, существует ряд других стимулов к интеграции в Северной Африке<sup>[3]</sup>. Условно их можно разделить на стимулы интеграционных процессов североафриканских стран и общие вызовы, преодоление которых также предполагает их довольно тесное взаимодействие.

Важнейшей тенденцией конца XX в. – начала XXI в. и основной задачей в странах региона является постепенный переход к индустриальным, а в перспективе – к постиндустриальным экономическим системам<sup>[4]</sup>. С точки зрения экономического развития, развитие интеграционных процессов и усиление частного и частно–государственного сотрудничества обладает достаточно большим потенциалом для развития индустриального сектора экономики в странах региона,

[1] Дмитриев М.Н. Методология и методы исследований в экономике: учеб. пособие. 2-е изд., переработанное и дополненное. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2018. — С. 37.

[2] Истомин И. А. Логика поведения государств в международной политике. м М.: «Аспект Пресс», 2018. — С. 5.

[3] Волков С. Н., Константинова О. В. Африканская континентальная интеграция — новый шаг на пути к многополярному миру // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. №1. С. 160.

[4] Модернизация в странах Северной Африки: возможности и препятствия / М. А. Володина, Р. Н. Исмаилова, И. Т. Кофанов; отв. ред. А. А. Ткаченко. — Москва: ИАФР РАН, 2022. С. 6.

в первую очередь в Мавритании и Тунисе, а также в соседнем Египте<sup>[1]</sup>. Возникновение новых индустриальных предприятий и расширение торговли индустриальными товарами позволит диверсифицировать структуру экспорта североафриканских стран: в настоящее время в географической структуре экспорта доминируют страны ЕС, а в товарной – энергоносители<sup>[2]</sup>.

Регион Северной Африки является одним из самых молодых регионов мира с точки зрения демографии. При этом в странах Северной Африки наблюдается высокий уровень молодежной безработицы и весьма низкий уровень грамотности, которые обусловлены низкими доходами и острыми проблемами в системе образования и последующей подготовки кадров<sup>[3]</sup>. Несмотря на существующие инициативы в рамках САМ, академические связи между странами Магриба остаются весьма слабыми. В результате подобных дисбалансов население стран Северной Африки становится особенно восприимчивым к доктринам радикальных исламистских движений. Развитие частного и государственно-частного партнёрства стран позволит произвести обмен наиболее эффективными практиками в сфере социальной политики. Тем самым, молодое население сможет получить качественное образование для будущего трудоустройства, что окажет положительный эффект на создание прибавочного продукта, а также на дерадикализацию населения.

Среди прочих экономических стимулов и драйверов интеграции региона принято выделять сочетаемость экономик стран региона, наличие разных природных ресурсов на территориях разных стран, агропромышленный потенциал региона, выгодное географическое положение между Европой и

Африкой южнее Сахары, имеющийся позитивный и негативный опыт взаимодействия с ЕС, а также относительно высокая инвестиционная привлекательность.

#### ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ И ДРАЙВЕРЫ ИНТЕГРАЦИИ

Политические факторы имеют не меньшее значение для интеграции в Северной Африке. Это связано с политической нестабильностью, характерной для всех государств региона, а также с общими проблемами региональной безопасности и терроризма. Одной из главных проблем региона Северной Африки является активность целого ряда террористических группировок, базирующихся в Сахаро-Сахельской зоне. На территории арабского Магриба действует террористическая организация под названием Аль-Каида в Исламском Магрибе<sup>[4]</sup>, а также её филиалы, в том числе запрещённая организация Ансар Аш-Шариа<sup>[5]</sup>. Данная террористическая группировка одновременно действует на территории Алжира, Ливии и Туниса. Также на территории региона в то же время действует ИГИЛ/ДАИШ<sup>[6]</sup> и его филиалы<sup>[7]</sup>. Целью всех террористических организаций в регионе является захват власти в государствах региона Северной Африки и создание новых исламистских государств. Ожидается, что именно угроза террористических организаций станет одним из главных катализаторов интеграционных процессов в Северной Африке и наращивания сотрудничества североафриканских стран в сфере безопасности, а также в других сферах.

#### ТРЕХСТОРОННЯЯ ИНИЦИАТИВА АЛЖИР – ЛИВИЯ – ТУНИС

Как уже было отмечено, взаимодействие стран в рамках САМ является на данный момент крайне затруднённым. С одной стороны, это вызвано серьёзными политическими

[1] Романов И. Г. Особенности включения развивающихся стран в глобальные цепочки создания стоимости // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2023. — №4. — С. 42.

[2] Бабенкова С.Ю. Динамика финансово-экономического развития стран Северной Африки: возможности для России в новых условиях: рабочая тетрадь № 89 / 2024. — М.: НП РСМД, — 2024. — С. 11.

[3] Володина М. А. Модернизация в Северной Африке // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. №4, 2019. С. 83.

[4] Признана террористической организацией и запрещена на территории РФ.

[5] Признана террористической организацией и запрещена на территории РФ.

[6] Признана террористической организацией и запрещена на территории РФ.

[7] Костелянец С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы // ИМЭМО РАН. — 2016. — №2. — С. 108.

противоречиями Алжира и Марокко вокруг Западной Сахары, а с другой стороны – экономическими противоречиями и ориентацией стран на экономическое сотрудничество с ЕС, по сравнению с которым САМ кажется, как минимум, малоперспективным. О слабости данного интеграционного объединения говорит тот факт, что саммиты лидеров стран не проводились с 1995 г., в то время как основной деятельностью Союза по сей день остаются отдельные проекты в сфере здравоохранения и образования, результаты которых вызывают сомнения. В свою очередь, грандиозные планы лидеров стран САМ по созданию ЗСТ к 1992 г., а таможенный союз – к 1995 г., также не увенчались успехом<sup>[1]</sup>.

Создание новой межправительственной организации было предложено президентом Алжира Абдельмаджидом Теббуном в 2023 г. Основной целью объединения является создание новой интеграционной организации на замену САМ, которая будет объединять все страны Магриба, включая Мавританию и Марокко, которые пока что не являются членами нового объединения. Тем не менее, весьма маловероятно, что в ближайшее время эти страны станут его членами. Несмотря на политическую стабильность и отсутствие террористических актов на территории страны, Мавритания испытывает экономические трудности и является одной из беднейших стран мира, а её участие в объединении будет только мешать его функционированию. В свою очередь, вступление экономически процветающего Королевства Марокко осложняется политическими противоречиями с Алжиром и последовательной переориентацией Рабата на западные государства.

Нормативно-правовой базой нового объединения во главе с Алжиром является итоговое соглашение лидеров трёх стран, составленное по итогам саммита в Тунисе в 2024 г. Важнейшей частью соглашения яв-

ляется положение о ежегодном проведении саммитов подобного формата с участием лидеров стран-участников. В настоящее время это является основным преимуществом нового объединения в сравнении с САМ. Другим достижением является создание ряда общих культурных и образовательных проектов, а также рабочих групп по вопросам борьбы с преступными формированиями и нелегальной миграцией на общих границах.

В ходе саммита лидеры также обсуждали ряд политических вопросов. В первую очередь обсуждались внутрирегиональные проблемы безопасности в Африке. В итоговом заявлении саммита была подчеркнута необходимость сотрудничества стран, направленных на укрепление безопасности в регионе. Примечательно, что в рамках встречи стороны также обсудили актуальные вопросы мировой политики. В частности, стороны обсудили вопрос вступления Палестины в ООН и процесса голосования по резолюции о прекращении огня в Секторе Газа<sup>[2]</sup>. Таким образом, данное объединение может стать площадкой для координации внешнеполитических усилий стран-участников. Это коррелирует с внешнеполитическими амбициями Алжира, который традиционно стремится играть значимую роль не только в своём регионе, но и в мире.

Следующим шагом на пути развития объединения стало подписание соглашения об усилении экономической интеграции по итогам встречи министров торговли, которая состоялась в июле того же года. В совместном заявлении по итогам встречи отмечалась необходимость ускорения юридических процедур по созданию ЗСТ, эффективного использования логистических преимуществ и развития всевозможных путей сообщения, расширения сотрудничества между частным бизнесом<sup>[3]</sup>.

Однако проект интеграции стран имеет

[1] Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба. — М., 1998. — С. 192

[2] Middle East Monitor Algeria Launches 'imminent' summit with Libya and Tunisia [Electronic resource]. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20241017-algeria-announces-imminent-summit-with-libya-and-tunisia/>

[3] Atalayar Tunisia, Libya and Algeria seek to increase trade relations and create free trade zones [Electronic resource]. — URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/economy-and-business/tunisia-libya-and-algeria-seek-to-increase-trade-relations-and-create-free-trade-zones/20240930143748205800.html>

ряд недостатков, связанных в первую очередь с внутривластной нестабильностью стран-участников. В первую очередь, речь идёт о Ливии, в которой существуют два правительства, находящиеся в противостоянии – правительство в Триполи и правительство в Тобруке. При этом отдельные регионы Ливии не подконтрольны ни одному из правительств, и власть в них принадлежит местным вооружённым группировкам. В свою очередь, Тунис в настоящее время сталкивается с растущим экономическим кризисом, вызванным острым дефицитом госбюджета.

Межправительственное объединение Алжира, Туниса и Ливии развивается весьма медленными темпами в связи с объективными экономическими и политическими проблемами и противоречиями. Развитие данного объединения будет возможно только после того, как будут преодолены наиболее острые проявления внутривластных кризисов в странах.

#### ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

Регион Северной Африки является важным географическим направлением внешней политики Российской Федерации. Это обусловлено целым рядом различных факторов. Во-первых, Северная Африка является стратегически важным для России регионом мира с точки зрения его расположения между Европой, Средиземноморьем и Африкой южнее Сахары. Более того, возможный уход военных контингентов США из Северной Африки в 2026 г.<sup>[1]</sup> существенно изменит соотношение сил в регионе, что будет выгодно для Российской Федерации в свете гражданской войны в Судане и заморозки строительства российской базы ВМФ в стране.

Во-вторых, существует большое множество сфер сотрудничества России с государствами Северной Африки, что является

особенно ценным в период санкционного давления. Россия развивает военно-техническое сотрудничество и экспортирует военную продукцию во все страны Северной Африки. Несмотря на относительно скромный товарооборот России с североафриканскими странами, Россия стабильно экспортирует металлы и металлургическую продукцию и импортирует сельскохозяйственную продукцию. Сотрудничество в сфере энергетики, в том числе строительство АЭС в Алжире и Египте при участии Росатома, также является важнейшим направлением двустороннего сотрудничества<sup>[2]</sup>.

В свою очередь, создание нового экономического и политического объединения стран также представляет для России возможность для расширения сотрудничества в сфере экономики, безопасности и мировой политики. Наиболее перспективным направлением экономического сотрудничества России и инициативы Алжир–Ливия–Тунис следует считать сотрудничество в сфере энергетики, а именно создание общих систем электроэнергии, которые жизненно необходимы государствам для ускорения темпов интеграции и увеличения производства. Другой перспективной сферой для сотрудничества являются финансы. Важно понимать, что для стран Северной Африки, включая государства трёхсторонней инициативы, характерен низкий уровень взаимных инвестиций, в то время как Российская Федерация активно инвестирует в проекты североафриканских стран: совокупный объём накопленных ПИИ североафриканских стран составил 63,81 млрд. долларов, что в 4 раза больше, чем соответствующий показатель европейских стран<sup>[3]</sup>. В то же время совокупный объём накопленных ПИИ России из стран региона остаётся на низком уровне.

[1] Africom 2025 Statement to Congress [Electronic resource]. URL: [https://www.africom.mil/about-the-command/2025-posture-statement-to-congress?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAR6E1mbViTQ8n-IVFgUNyCnPW0zK3W8jT65zEZzj0w4TnKqm17Obt\\_UfpuXb3w\\_aem\\_57vnPmfS4hMJNZX3m9bNeg](https://www.africom.mil/about-the-command/2025-posture-statement-to-congress?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAR6E1mbViTQ8n-IVFgUNyCnPW0zK3W8jT65zEZzj0w4TnKqm17Obt_UfpuXb3w_aem_57vnPmfS4hMJNZX3m9bNeg)

[2] Кузнецов В. А. Россия в Северной Африке: капитализация успеха // Уральское востоковедение: международный альманах. — Екатеринбург, 2018. — С. 73.

[3] Бабенкова С.Ю. Динамика финансово-экономического развития стран Северной Африки: возможности для России в новых условиях: рабочая тетрадь № 89 / 2024. — М.: НП РСМД, 2024. — С. 20.

Говоря о формирующемся объединении, Трёхсторонняя инициатива также представляет интерес для России с точки зрения борьбы с транснациональным терроризмом. Обеспечение общего благосостояния граждан, повышение уровня зарплат и образования является ключевым фактором, предотвращающим их вступление в террористические организации. Соответственно, сотрудничество России с трёхсторонней инициативой также отвечает целям России в деле борьбы с глобальной и региональной террористической угрозой. Более того, развитие данного регионального объединения при активном содействии России будет способствовать переориентации стран Северной Африки с ЕС на другие государства, в том числе на Россию и другие страны БРИКС.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенкова С.Ю. Динамика финансово-экономического развития стран Северной Африки: возможности для России в новых условиях: рабочая тетрадь № 89 / 2024. — М.: НП РСМД, 2024.
2. Волков С. Н., Константинова О. В. Африканская континентальная интеграция — новый шаг на пути к многополярному миру // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2023. — №1. — С. 157–167.
3. Володина М. А. Модернизация в Северной Африке // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 63. — №4. — С. 78–86.
4. Дмитриев, М.Н. Методология и методы исследований в экономике: учеб. пособие. 2-е изд., переработанное и дополненное. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2018. — 106 с.
5. Истомин И. А. Логика поведения государств в международной политике. — М.: «Аспект Пресс», 2018. — 296 с.
6. Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба. М., 1998. С. 192.
7. Костелянец С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы // ИМЭМО РАН. — 2016. — №2 — С. 101–112.
8. Костюнина Г. М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. — 2016. — №4. — С. 34–50.
9. Кузнецов В. А. Россия в Северной Африке: капитализация успеха // Уральское востоковедение: международный альманах. — Екатеринбург, 2018. — С. 70–89.
10. Модернизация в странах Северной Африки: возможности и препятствия / М.А.Володина, Р.Н.Исмагилова, И.Т.Кочанов; отв. ред. А.А.Ткаченко. — Москва: ИАФр РАН, 2022.
11. Романов И. Г. Особенности включения развивающихся стран в глобальные цепочки создания стоимости // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2023. — №4. — С. 35–49.
12. Четвериков А. О. Конфедерация государств Сахеля — новый интеграционный альянс стран «глобального Юга» (юридические аспекты) // Международное право. — 2024. — №2. — С 18–39.
13. Africom 2025 Statement to Congress [Electronic resource]. — URL: [https://www.africom.mil/about-the-command/2025-posture-statement-to-congress?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAR6E1mbViTQ8n-lVFgUHyCNPW0zK3W8jT65zEZzj0w4TnKqm17Obt\\_Ufpuxb3w\\_aem\\_57vnPmfS4hMJNZX3m9bNeg](https://www.africom.mil/about-the-command/2025-posture-statement-to-congress?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAR6E1mbViTQ8n-lVFgUHyCNPW0zK3W8jT65zEZzj0w4TnKqm17Obt_Ufpuxb3w_aem_57vnPmfS4hMJNZX3m9bNeg)
14. Atalayar Tunisia, Libya and Algeria seek to increase traderelationsandcreate free trade zones [Electronic resource]. — URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/economy-and-business/tunisia-libya-and-algeria-seek-to-increase-trade-relations-and-create-free-trade-zones/20240930143748205800.html>
15. Middle East Monitor Algeria Launches 'imminent' summit with Libya and Tunisia [Electronic resource]. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20241017-algeria-announces-imminent-summit-with-libya-and-tunisia/>.

## REFERENCES

1. Africom 2025 Statement to Congress [Electronic resource]. — URL: [https://www.africom.mil/about-the-command/2025-posture-statement-to-congress?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAR6E1mbViTQ8n-IVFgUH yCNpW0zK3W8jT65zEZzj0w4TnKqm17Obt\\_Ufpuxb3w\\_aem\\_57vnPmfS4hMJNZX3m9bNeg](https://www.africom.mil/about-the-command/2025-posture-statement-to-congress?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAR6E1mbViTQ8n-IVFgUH yCNpW0zK3W8jT65zEZzj0w4TnKqm17Obt_Ufpuxb3w_aem_57vnPmfS4hMJNZX3m9bNeg)
2. Atalayar Tunisia, Libya and Algeria seek to increase trade relations and create free trade zones [Electronic resource]. — URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/economy-and-business/tunisia-libya-and-algeria-seek-to-increase-trade-relations-and-create-free-trade-zones/20240930143748205800.html>
3. Babenkova S.Yu. Dinamika finansovo-ekonomicheskogo razvitiya stran Severnoy Afriki: vozmozhnosti dlya Rossii v novykh usloviyakh [Dynamics of Financial and Economic Development in North African Countries: Opportunities for Russia in the New Environment] / S. Yu. Babenkova : rabochaya tetrad № 89 / 2024. — M.: NP RSMD — 2024.
4. Chetverikov A. O. Konfederatsiya gosudarstv Sakhelya — novyy integratsionnyy aliants stran «globalnogo Yuga» (yuridicheskiye aspekty) [The Confederation of Sahel States is a new integration alliance of the Global South countries (legal aspects)] / A. O. Chetverikov // *Mezhdunarodnoye pravo* — 2024 — №2 — P. 18–39.
5. Dmitriyev. M.N. Metodologiya i metody issledovaniy v ekonomike: ucheb. posobiye. 2–e izd. pererabotannoye i dopolnennoye [Methodology and research methods in economics: textbook. stipend. 2nd ed., revised and expanded] / M. N. Dmitriyev — N. Novgorod: NNGASU — 2018 — 106 p.
6. Kovtunov A.G. Problemy integratsii stran Magriba [Problems of integration of the Maghreb countries] / A. G. Kovtunov — M — 1998 — 192 p.
7. Istomin I. A. Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoy politike [The logic of states' behavior in world politics] / I. A. Istomin — M.: «Aspekt Press» — 2018 — 296 p.
8. Modernizatsiya v stranakh Severnoy Afriki: vozmozhnosti i prep'yatstviya [Modernization in North African Countries: Opportunities and Challenges] / M.A.Volodina. R.N.Ismagilova. I.T.Kofanov; otv. red. A.A.Tkachenko. — M.: IAfr RAN — 2022.
9. Kostelyanets S. V. Terrorizm v Afrike: osobennosti, tendentsii i perspektivy [Terrorism in Africa: Features, Trends, and Prospects] / S. V. Kostelyanets — IMEMO RAN — 2016 — №2 — P. 101–112.
10. Kostyunina G. M. Integratsionnyye protsessy v Afrike: istoriya i sovremennyy etap [Integration Processes in Africa: History and the Current Stage] / G. M. Kostyunina // *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* — 2016 — №4 — P. 34–50.
11. Kuznetsov V. A. Rossiya v Severnoy Afrike: kapitalizatsiya uspekha [Russia in North Africa: Capitalizing on Success] / V. A. Kuznetsov // *Uralskoye vostokovedeniye: mezhdunarodnyy almanakh.* — Ekaterinburg — 2018 — P. 70–89.
12. Middle East Monitor Algeria Launches 'imminent' summit with Libya and Tunisia [Electronic resource]. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20241017-algeria-announces-imminent-summit-with-libya-and-tunisia/>.
13. Romanov I. G. Osobennosti vklucheniya razvivayushchikhsya stran v globalnyye tsepochki sozdaniya stoimosti [Features of the inclusion of developing countries in global value chains] / I. G. Romanov // *Nauchnyye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta. Elektronnyy zhurnal* — 2023 — №4 — P. 35–49.
14. Volkov S. N. Konstantinova O. V. Afrikanskaya kontinentalnaya integratsiya — novyy shag na puti k mnogopolyarnomu miru [African continental integration is a new step towards a multipolar world] / S. N. Volkov, O. V. Konstantinova // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* — 2023. — №1. — P. 157–167.
15. Volodina M. A. Modernizatsiya v Severnoy Afrike [Modernization in North Africa] / M. A. Volodina // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* — T. 63 — №4. — 2019. — P. 78–86.

# Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла России в Ирландии (2012–2017) М.А. Пешкова о культурно-дипломатических связях Ирландии и России

Игнатьева Виктория Юрьевна  
МГИМО МИД России,  
Факультет международной журналистики, 3 курс

---

## РЕЗЮМЕ

22 апреля 2025 г. В МГИМО МИД России состоялось торжественное открытие цикла лекций «Неизвестный Горький», проводимого при содействии МИД РФ и по инициативе Фонда М. Горького. Встречу посетили потомки писателя, сотрудники МИД РФ и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Среди приглашенных был Максим Александрович Пешков — правнук

писателя, Чрезвычайный и Полномочный посол, учредитель Фонда М. Горького. Студентка 3 курса Факультета международной журналистики МГИМО МИД России Виктория Игнатьева побеседовала с гостем о его последней зарубежной командировке в Ирландию и жизни в стране, относящейся к западному миру, но имеющей много общего с Россией.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ирландия, ирландский язык, ирландская культура, дипломатическая служба, культурный диалог России и Ирландии

Для связи с автором: [zstepower295@gmail.com](mailto:zstepower295@gmail.com)

# Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russian Federation to Ireland (2012-2017) Maxim Alexandrovich Peshkov on the cultural and diplomatic relations between the Republic of Ireland and the Russian Federation

Viktoriya Yu. Ignatyeva

MGIMO University,  
School of international journalism, 3rd Year  
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

---

## ABSTRACT

On 22nd June, 2025 MGIMO University hosted the grand opening of the lecture series «Unknown Gorky» conducted with the assistance of the Ministry of Foreign Affairs of Russia and on the initiative of the Gorky Foundation. The writer's descendants, the employees of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Gorky Institute of the Russian Academy of Sciences attended

the meeting. Among those invited to the event was Maxim Alexandrovich Peshkov, the great-grandson of the writer, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, founder of the Gorky Foundation. Victoria Ignatieva, a 3rd year student of the School of International Journalism, had a conversation with the guest about his diplomatic posting in Ireland and his life in the country which belongs to the Western world but has much in common with Russia.

## KEYWORDS

Ireland, Irish language, Irish culture, diplomatic service, cultural dialogue of Russia and Ireland

Contact with the author via: [zstepower295@gmail.com](mailto:zstepower295@gmail.com)

И.: Максим Александрович, Вы были послом в Ирландии с 2012 по 2017 год, а до этого работали на Востоке: в Иране, Афганистане, Таджикистане. Скажите, пожалуйста, насколько сложно было привыкнуть к стране, где культурный код кардинально отличается от восточного?

Максим Александрович: Ну, в общем-то, несложно, потому что сами ирландцы — они, в общем-то, на нас, россиян, похожи. Такой же своеобразный характер что у них, что у нас. Поэтому с ними проще.

У меня до сих пор, несмотря на все пертурбации, которые имеют место, остались очень неплохие отношения с ирландскими ребятами. Правда, встречаться сложнее стало. В Ирландии, кстати, есть небольшая диаспора россиян. У меня с ними тоже до сих пор остались очень теплые отношения, правда, в основном по перепискам.

И.: Существует мнение, что ирландцы смогли сохранить свою культуру несмотря на века угнетения благодаря тому, что у них, можно сказать, не всегда была возможность покинуть свой остров. Поэтому они уходили в такой эскапизм, в свою культуру. Как Вы считаете, насколько это верно?

Максим Александрович: Я, пожалуй, не соглашусь. Почему? Потому что если брать чистую статистику, что в Ирландии, что в Северной Ирландии владеют гэльским языком практически все, в разной степени, но только 4% считают его языком основным и используют его в том числе дома, в семье.

И.: Тем, что французы называли бы «langue maternelle»?

Максим Александрович: Да. Причем у них оба языка, что английский, что гэлик<sup>[1]</sup> официальные, государственные.

И.: Английский уже носит статус государственного языка? Насколько я помню,

долгое время государственным языком был только ирландский.

Максим Александрович: Да, общение, переписка идет преимущественно на английском языке. Официальные документы публикуются на двух языках.

И.: Но при этом, как я слышала, ирландские дипломаты должны владеть ирландским языком.

Максим Александрович: Возможно. Кстати, у меня есть одна хорошо знакомая семья выходцев из Советского Союза. Женщина ведет на радиостанции русско-англоязычную передачу. Ее сын блестяще говорит на гэлике.

И.: Он изучал его в школе?

Максим Александрович: Там же, в школе, при этом он не уроженец Ирландии. Хотя ирландский язык достаточно сложный для изучения. Я знаю только одно слово, «сланче»<sup>[2]</sup> — это тост, означающий «Ваше здоровье».

И.: В ирландском даже есть формула прощания: «slán agat» и «slán agaibh»<sup>[3]</sup>. Причем, насколько я знаю, Вы сейчас произнесли это слово с североирландским акцентом. В нем очень специфическое придыхание, уходящее в «ч», как и в шотландском гэлике, которому североирландский диалект родственен. Кстати о языковой ситуации. Незадолго до того, как Вы были назначены послом в Ирландии, сменился президент — им стал Майкл Хиггинс. Он долгое время был сначала министром по делам гэльского языка, потом министром культуры, искусства и гэльского языка. Он свободно владеет ирландским, и, насколько я могу судить, у него языковая политика достаточно точная и выверенная. Насколько чувствовались какие-то изменения в языковой ситуации в период Вашей работы там? Потому что до этого, как Вы знаете, ирландский язык в

[1] Гэлик (от ирл. Gaeilge) — самоназвание шотландского языка и еще одно обозначение ирландского (здесь и далее — прим. автора).

[2] Сланче, слантэ (от ирл. sláinte) — здоровье

[3] Дословно переводятся как «здоровье на тебе» и «здоровье на вас»; используются соответственно в зависимости от количества людей, с которыми нужно попрощаться. Схожая ситуация с другими формулами вежливости в ирландском языке.

неблагоприятном состоянии находился, и сейчас его спасает то, что молодежь начинает его учить и очень им увлекается.

Максим Александрович: Как пример я привел нашего русского молодого человека, который блестяще знает гэлик. Но, знаете, мне довольно сложно с чем-то сравнивать, потому что я приехал в Ирландию, как раз когда М. Хиггинс стал президентом.

Каких-то особых подвижек, может быть, и не было. Дело в том, что в принципе изучение ирландского языка в школах обязательно. Причем это вполне естественно — это все-таки язык государственный, поэтому должны знать.

О каких-то ограничениях, скажем, для дипломатов, я не слышал, поскольку основной рабочий язык, конечно, для них английский. Гэлик — это исключительно для, так сказать, общения уже на местах по желанию. Кстати, многие старики в провинции предпочитают ирландский.

С Майклом Хиггинсом же я несколько раз встречался, потому что он устраивает каждый год ближе к Новому году знакомство для дипкорпуса. Очень симпатичный человек.

И.: Есть ли в Ирландии какие-то специфические дипломатические традиции? Насколько я знаю, например, сотрудники дипкорпуса за рубежом в День святого Патрика участвуют в параде.

Максим Александрович: Нет, там немало другое. Дело в том, что когда идет парад на День святого Патрика, то местные приглашают весь дипкорпус, но иностранцы, разумеется, не участвуют, а сидят как зрители. Я пару раз был здесь, в Москве, на этом параде. Дипкорпус ирландский — естественно, там посол был, сотрудники посольства. А здесь, в России, в том числе в Москве, это мероприятие проводил целый ряд клубов друзей Ирландии, любителей ирландского танца «Риверданс»<sup>[1]</sup>. Они устраивали такие парады в Сокольни-

ках. По-моему, в парке Горького как-то это было. Кстати, очень мило там все происходило.

И.: А что насчет именно традиций, которые в Ирландии соблюдаются и, можно сказать, обязательны для выполнения? Специфических моментов при вручении верительных грамот, например?

Максим Александрович: Что касается вручения верительных грамот, это процедура стандартная практически в любой стране. Сколько шагов направо, сколько налево, какое расстояние, что надо говорить, как вручать... Единственное, в речи посла при вручении грамот к президенту Ирландии они не просто рекомендуют, а настоятельно рекомендуют обращаться только: «Президент». Не Ваше Превосходительство, а просто «President». Все.

А все остальное то же самое. Потом отводят в отдельную маленькую комнату. Такая легкая беседа, как везде. Я примерно по этой же процедуре точно так же в Таджикистане вручал грамоты. Другое дело, что я там президента знал еще до того и достаточно близко.

Дело в том, что до командировки в Таджикистан я возглавлял нашу российскую группу содействия урегулированию кризиса в Таджикистане. И поэтому приходилось присутствовать на переговорах и общаться с обеими командами, включая и президента Э. Рахмона. С тех пор я его хорошо знал, и он меня хорошо знает. Поэтому тут было немного менее официально.

Здесь же было несколько более официально. Майкл Хиггинс и я поговорили насчет театральных постановок. На эту тему мне было проще говорить, поскольку оба родителя у меня были актерами.

Что еще касается их традиций, то, пожалуй, есть такая грустная традиция: ежегодно ирландцы вспоминают Famine — страшный голод 1850-х.

[1] «Riverdance» — театрализованное шоу, созданное на основе ирландских народных танцев. Впервые было показано на «Евровидении» 1994 года.

И.: Великий голод?<sup>[1]</sup>

Максим Александрович: Да. Вот это мероприятие каждый год устраивают в разных местах Ирландии. Собирают в том числе и дипкорпус.

И кстати, здесь есть определенные нюансы, скажем, взаимоотношений ирландцев с другими странами. В частности, один из зубов, который они, как говорится, точат в адрес английских соседей — это как раз то, что во время этого голода англичане ни одного ирландца-беженца не приняли к себе. И второе — положительное отношение к американцам. Америка приняла несколько групп беженцев из Ирландии как раз в этот период.

И.: Ирландцы в принципе составляют одну из основ американской нации, в Австралии то же самое.

Максим Александрович: Да. Это была одна из первых, по-моему, чуть ли не крупнейшая волна миграции, когда ирландцы туда, в США, направились.

И.: С XVII века Ирландия стала полноценной колонией Англии, где англичане насаждали протестантизм. Исповедуя свою католицизм, ирландцы протестовали против английских законов. Вот как раз с образования Соединенных Штатов как государства они туда начали постепенно переезжать.

Максим Александрович: Нет, были, но по сравнению с периодом голода их, конечно, меньше. Тут еще один нюанс. Ведь США — страна не католическая, там больше все-таки протестантизм. Я, кстати, удивился, когда узнал, что господин Вэнс, новый вице-президент, не так давно принял католичество.

И.: Ведь и Дж. Байден — один из двух президентов-католиков. У него ирландские корни, это логично.

Максим Александрович: Там у многих ирландские корни.

И.: В 1998 году было заключено Соглашение Страстной Пятницы, регулировавшее отношения между Ирландией и Великобританией. Насколько остра проблема Северной Ирландии после подписания этого документа? Помог ли он наладить контакт между Великобританией и Ирландией? Согласно этому соглашению, жители Северной Ирландии, как и жители Республики Ирландия, имеют право на полное самоопределение. Насколько такая формулировка в этом документе влияет, например, на их национальное самосознание?

Максим Александрович: Вы знаете, тут двойственное отношение, потому что ирландцы в принципе те безобразия, которые англичане творили на их территории исторически, никогда не забывают и всегда помнят. Это с одной стороны. С другой стороны, Британия, прежде всего Англия, — это своего рода помощь, потому что там и предоставляется социальная помощь, и кое-какие вливания идут в бюджет. Я имею в виду не только Северную Ирландию (что естественно, поскольку она часть Великобритании), но и саму Республику.

И.: Да, вспомнить даже известных ирландских актеров и режиссеров — многие из них ведь учились и потом работали в Великобритании, потому что там возможностей просто больше.

Максим Александрович: Ну, в том-то и дело. Кроме того, существует перекрестное образование, в Ирландии уровень образования очень высокий. Тот же Тринити-колледж считается одним из лучших учебных заведений.

И.: Тринити — легендарный колледж. А в Ирландии сейчас очень высокий уровень образования, сравнимый с британским.

Максим Александрович: Да. И одновременно кое-какие услуги, скажем, медицинские, на территории католической Ирландии запрещены, поэтому жители выезжают

[1] Имеется в виду Великий голод 1845-1852 годов, в результате которого Ирландия потеряла около четверти населения.

в Англию. А многие англичане — наоборот в Ирландию.

И.: Насколько распространены стереотипы об ирландцах, которые бытуют, в принципе, как в англоязычном, так и в русскоязычном обществе? В какой степени сейчас культивируются эти стереотипы, в том числе, например, среди самих ирландцев, и как они далеки от истины?

Максим Александрович: Ну, Вы знаете, стереотип очень простой: якобы «ирландцы — рыжие пьяницы». То, что они рыжие — в общем, далеко не все. То, что пьяницы — тем более далеко не все. Конечно, гуляния идут на Дни святого Патрика. Тогда появляются усиленные полицейские патрули, но каких-то особых нарушений, драк не бывает. Понимаете, многие стереотипы, так же, как и стереотипы о нас, преувеличены во многом. Сотрудничество и взаимодействие между странами успешно, когда народы и дипломатические круги от-

казываются смотреть друг на друга сквозь призму стереотипов.

И.: Большое Вам спасибо за интервью!

\* Республика Ирландия имеет тесные культурные связи с Россией: в нашей стране любят и знают Джеймса Джойса и У.Б. Йейтса, ставят в театрах пьесы Шоу, Синга и Макдонаха. В свою очередь, роману И.А. «Обломов», как писал Генрих Бёлль, «самое место в этой стране, где так не любят рано вставать». С западными странами, особенно Великобританией, у Республики Ирландия достаточно много противоречий: сказываются столетия, проведённые под колониальным гнётом Великобритании. Несмотря на членство в Европейском Союзе, Республика Ирландия исторически остаётся нейтральным государством, что предоставляет большие возможности как для установления успешных долгосрочных контактов, так и для изучения этой страны, её истории и культуры.

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: Эл № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка С.А. Беломытцева  
Дизайн обложки Д.В. Мокроусова

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84 .  
Усл. печ. л. XX. Тираж 60 экз. Заказ №

Отпечатано в производственном отделе  
Издательского дома МГИМО МИД России  
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193,  
22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,  
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925,  
06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,  
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Sofiya Belomittseva  
Cover design Daria Mokrousova

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 60.



ISSN 2949-6381 (Print)  
ISSN 2949-6365 (Online)